

ВИКИНГИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ СЕРИАЛ

НИКОЛАЙ
БАХРОШИН

ЯРОСТЬ
БЕРСЕРКОВ

Сельга

Николай Бахрошин

**Ярость берсерков.
Сожги их, черный огонь!**

«Яуза»

2007

Бахрошин Н. А.

Ярость берсерков. Сожги их, черный огонь! / Н. А. Бахрошин — «Яуза», 2007 — (Сельга)

Лучший исторический сериал о борьбе славян против хищных варягов за два века до князя Рюрика! Захватывающий боевик от автора бестселлеров «Викинги. Скальд» и «Заклятие волхвов»! Если норманнская дружина хозяйничает на наших землях, если пришельцы с Запада преступают Правду, обращаясь со славянами как с рабами, – против захватчиков поднимаются стар и млад, и даже женщины берутся за нож. Но сможет ли плохо вооруженное ополчение одолеть матерых головорезов, что наводят ужас на всю Европу? Удастся ли славянам выстоять против непобедимых берсерков, впавших в боевое бешенство? Как сбросить варяжское иго и вырваться на волю? Применив против викингов страшный «черный огонь», который невозможно залить водой, который прожигает насквозь не только живую плоть, но даже сталь, секрет которого волхвы хранят на самый черный день... Теперь этот день настал!

© Бахрошин Н. А., 2007

© Яуза, 2007

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
1	8
2	16
3	23
4	30
5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Николай Бахрошин

Ярость берсерков. Сожги их, черный огонь!

Пролог

Молочный туман дымкой тянулся по темной, как серебро, воде. Вокруг было тихо и сонно, как бывает перед восходом, когда все живое словно замирает, ждет, пока покажет из-за края земли свой круглый лик солнце Хорс. Только ранние птицы уже пробовали на звук голоса, дожидаясь, когда придет момент приветствовать златоликого бога радостным щебетанием, и в черном омуте время от времени всплескивал рыбиной Водяной Старик. Если пристально всмотреться в реку, можно было различить в глубине едва уловимые тени русалок-мавок, спасающихся от похоти коварного Водяного в своих нескончаемых хороводах.

Кутря ждал. Он умел ждать. Умел застывать неподвижно и сливаться с лесом, водой и камнями. Смотрел на серо-рыжий гранит валунов и сам становился камнем, таким же спокойным и холодным. Камень никуда не торопится, его жизнь – в неподвижном безмолвии. Конечно, вдалеке, за Ерошиным лесом, знал он, есть и другие камни, живые, что сами собой передвигаются с места на место. Но это – страшное, в таких камнях живут бесы, злая бестелесная нечисть, которая вечно ищет, где бы ей поселиться...

Он смотрел на тягучие воды Илень-реки и сам был водой. Тек вместе с ней, струился и уплывал далеко-далеко, за Олень-гору. Когда-нибудь он покинет пределы Яви, земного мира людей, и дух его, как вода, уплывет вверх, к вечно цветущей кроне Мирового Древа, где в светлом Ирии обитают духи умерших предков, а еще выше живут боги Прави. Так суждено, и так будет...

Надоедливые комары, эта зловредная отрыжка болотной бабы Шишиги, кружились над ним, зудели нудно, прицеливались пить теплую кровь. Но он обманул их. Я – дерево, несколько раз повторил он мысленно. Представил, какое дерево. Дуб-дерево, самое твердое, самое сильное. Внутренними глазами, как учили волхвы, увидел свои ноги-корни, руки-сучья и ствол-тулово. Увидел над головой пышную листовую крону, ощутил вместо кожи толстую кору, почувствовал в себе струи живительных соков, подаренных Сырой Матерью-землей. Стал деревом.

Комары отстали. Поняли, что он теперь дерево. Не жалили больше, просто кружились вокруг по своим комариным надобностям.

Кутря ждал. Ни о чем не думал, не ярил сердце обжигающей ненавистью, спрятав ее поглубже в груди, просто плыл по непрерывности жизни, которая, как Илень-кормилец, тоже большая река. По течению плыл. Зачем спорить с течением? Чему суждено, то и должно случиться, а что случилось – того не исправить. Волей богов приходит человек в Явь, богиня Мокошь, ведающая пряжей жизнью, протягивает нить судьбы каждого еще при рождении. Дело человека лишь правильно истолковать высшую волю и действовать, как ждут от него всеведущие боги...

Своя по имени Бьерн, по прозвищу Пегий, Кутря слышал издали. Его трудно было не услышать. Тот шагал тяжело, ступал нетвердо, шумно задевал за ветки и цеплялся ногами за камни, как страдающий от летнего обжорства кабан. Значит, много ржаного пива выпил своей накануне вечером, хмель еще гулял в голове. Это хорошо, это было ему только на руку...

Он ждал. Слушал. Звуки в тишине, у реки, разносились особенно громко и отчетливо. Мелко позвякивала плетеная железная кольчуга воина, постукивали по ноге деревянные, обтянутые расшитой кожей ножны меча. Эти пришлые люди даже во сне не расстаются с оружием, знал он.

Бьерн шел один. Кутре было слышно, как ниже по реке переговариваются на своем чудном языке, похожем на грачиный гай, другие свеи, но те – далеко, они не успеют сюда. Наконец-то...

Бьерн Пегий был старым, опытным воином, ходившим с дружиной во многие походы-викинги по теплым и холодным краям. Сам огромный, круглый, как валун, краснолицый, с двухцветной, рыжей с седыми пятнами, бородой, аккуратно заплетаемой им в косичку. Соратники-свеи уважали его за храбрость, разум и воинское умение. Опасный враг.

Ярость опять накатила горячей красной волной, но он привычно сдержал ее. Он помнил. Отчетливо, словно до сих пор видел перед глазами. Когда Пегий насильничал прекрасную деву Сельгу, он тоже не снял своей железной, кольчужной рубахи. Так и навалился, не разоблачаясь. Просто распустил пояс, задрал железо и насел на нее со спины, царапая кольцевым плетением ее гладкую смуглую кожу, бил ее время от времени по голове, чтоб была послушной. Пыхтел, сопел, гоготал, как гусь, тряс своей двухцветной бородой. Закончил дело, зарычал довольным. Встал, ударил ее ногой в бок, спрятал в порты свое плодородие, снова прикрылся кольчужой. Ушел, не оглядываясь, презрительно плюнув на ее раздавленное, вмятое в траву тело, ставшее сломанным, как цветок ломается под медвежьей лапой. Бормотал что-то неразборчивое на своем языке.

Этот обидный плевок Кутря видел хоть и издалека, но отчетливо. Хотел броситься за ним вдогонку, но тревога за девушку пересилила, кинулся к ней. Теперь сам понимал, как умно было сдержаться. Ну, догнал бы, и что? Ни оружия с собой, ни доспехов, а Бьерн в кольчуге и при мече. На свея, как на матерого кабана, не ходят с пустыми руками. Они, как и кабаны, только кажутся неуклюжими и неповоротливыми; когда доходит до драки, они опасней самого медведя.

Бьерн поймал Сельгу здесь же, недалеко, на реке, когда она в одиночку совершала свое утреннее омовение. Подстерег, наверное. Пегий давно на нее заглядывался. На красавицу Сельгу всегда заглядывались все пришлые. Княжий доверенный ратник Затень, звенящий серебряными браслетами молодец с черными глазами и нарумяненными до красноты щеками, три дня уговаривал ее уехать на крупе его коня. Сулил многое, обещал за ласку золотые горы и молочные реки. Нет, не уехала, не купилась.

Во всех селениях поличей любой из свободных парней тоже был бы рад объявить ее своей перед всеми и повести к домашнему огню. Никому не отдавала Сельга своего слова.

А Пегий подстерег...

Кутря тогда случайно оказался неподалеку. Видел все с высоты холма. Нет, он не мог помочь, не успел бы приблизиться. Пегий опростался быстро, наголодался, видно, без женщин в своем дальнем походе. Ушел...

Ничего, Кутря умел ждать, сохраняя угли в груди, не давая им разгореться в гневный пожар. Жизнь научила его терпению. Сейчас час пришел.

Он терпеливо наблюдал, как Бьерн остановился, пошатываясь. Как долго и шумно мочился с берега прямо в воду, оскорбляя Илень и не извиняясь при этом. На мгновение он даже испугался, что не успеет отомстить, не сможет умыть лицо теплой кровью врага. Вот сейчас высунется из реки разгневанный Водяной Старик, ухватит Бьерна за его лохматое плодородие – и в омут, творить расправу.

Нет, повезло, Водяной не заметил обиды. А может, не захотел связываться с грозным воином. Старик тоже хитрый.

Помочившись, Бьерн шумно, с удовольствием рыгнул и двинулся дальше. Почти поравнялся с валунами, где наверху притаился, замерев, мститель.

Кутря несколько раз резко и сильно напряг руки и ноги, разминая их, как на охоте после долгой и неподвижной засады. Доспехов у него и сейчас с собой не было, ползать ужом вокруг

крепости, выглядывая обидчика, они бы только мешали. Зато есть за голенищем короткий ножной меч. Этого хватит...

Пора!

Одним прыжком, рысью с ветки он кинулся на свея. Обрушился телом, сбил на землю, упал вместе с ним, всадил железный нож в красную полоску шеи между железной рубахой и гладким, как булыжник, шлемом.

Успел ударить!

Бьерн, сбитый на землю, оглушенный неожиданной болью, еще ничего не понял, только вцепился в землю мозолистыми, словно костяными, руками, набитыми веслами в долгих водяных переходах. А Кутря уже выдернул нож, плавным, быстрым движением перерезал толстую шею от скулы до скулы. Свей захрипел, забулькал, забился под ним, в точности как взятая на охоте дичь. Струей хлынула на траву теплая темная кровь.

Кутря неторопливо поднялся, присел на корточки рядом с телом, по которому еще пробегали судороги. Дух трудно выходил из могучего тела.

Отдышался. Намочил руки в крови, умыл ладонями пылающее лицо. Чужая кровь тут же схватилась на лице заскорузлой коркой, осталась на губах солоноватым привкусом... Соленая, а по сердцу медом!

Сдерживая дрожь в руках, неприличную мужчине и победителю, он тщательно, нарочито неторопливо вытер верный нож пучком травы. Несколько раз воткнул его в землю, считая остатки крови, от которой железо быстро разъедает ржа. Безмолвно попросил прощения у Сырой Матери, что потревожил ее покой. Земля, показалось ему, ответила одобрительным гулом.

Тогда Кутря снова поднялся, выпрямился во весь рост, вскинул руки к высокому небу, привлекая внимание богов и духов. И громко, во весь голос, закричал, запел песню без слов о своей великой победе. Чтобы услышали его высшие боги и чтобы духи предков смеялись от радости, глядя на него сверху.

Он отомстил!

Свеи, было слышно, кинулись на его голос. Но он уже скользнул в чащу и побежал быстро, бесшумно, привычно петляя между деревьями. Сердце в груди бухало от радости грозовыми раскатами.

Горькая обида смывается горячей кровью! Так было всегда и так будет!

Часть первая

Крепость

1

Я, Кутря, сын Земти, сына Олеса, расскажу, как все было.

Эти железные люди, родом оттуда, где рождается холодный северный ветер, который мы называем Позвизд, а они – Нодри, пришли к нам весной, вместе с теплом. Илень-река уже скинула ледяные оковы, а Сырая Мать задышала вольно и начала одеваться зеленью. На деревьях набухли мягкие клейкие почки, а мы, славя всех богов вместе и каждого из них в отдельности, почтили пробуждение первых ростков хмельным пивом и забористой медовой сурицей. Много дней радовались, и многие с того захворали. Выпить чару по очереди за каждого бога – кто после этого устоит на ногах? А боги обидчивы, никого нельзя забывать...

Они, пришельцы, сами были сильны и неистовы, как их родич – ледяной ветер. Крепкие, опасные люди, у которых не счесть дорогого железного оружия. Свеоны – сами называли они свое племя, свеары – прозвали их латыняне, норманы, как прозвали их франки, варяги, как говорили росы в теплых степях. Наши родичи испокон веков называли их свеями. Сталкивались уже с чужеземцами, знали их железную силу и неизбывную ратную злость.

Дружина свеев пришла в наши земли по велению князя Добружа: стоять дозором и сторожить Илень-реку. Богатый князь, собирающий дань со всех окрестных земель, щедро платил им. Но от каких врагов защищают они нашу реку, недоумевали родичи. Изредка проходят по реке на челнах болгарские и другие торговые гости, но кто пойдет с мечом и щитом вверх по реке, где на краю земли уже, наверно, и не живет никто? Рассудили: хитрый князь, испугавшись биться с грозными пришельцами, свалившимися в его владения как снег на голову, просто дал им такую почетную и легкую службу, чтоб те не тронули его богатый град Юрич.

Свеи пришли к нам неожиданно. Я видел, как двигались по реке, всплескивая длинными сосновыми веслами, их огромные, зачерненные варом ладьи с высокими носами сзади и спереди, способные не поворачиваясь плыть назад и вперед. Свои ладьи, на которых число весел было меньше двух десятков, они называли ледунгами, побольше – скайдами и самые большие, где весел больше тридцати двух, драккарами. А еще называли каждую из них красивыми именами: «Морской змей», «Птица моря», «Дракон», «Журавль», «Волк», «Голова быка»...

Их ладьи тоже были как живые. Тоже свирепые и неистовые на вид. Я знаю, на каждое весло свеи кладут такую же долю добычи, какую получает воин. От этого их ярлы и морские конунги, которым принадлежат ладьи, богатеют быстрее простых дружинников. Я, Кутря, в молодые годы долго скитался по необъятной Яви, знаю обычаи чужих народов и разбираю разные языки.

Свейские ладьи шли по воде неторопливо, размеренно, одна за другой. Столько ладей, сколько пальцев на обеих руках, пришло в нашу землю. И на каждой, в две перемены, гребли кольчужные воины в круглых шлемах, с круглыми щитами, выставленными вдоль бортов в ряд. Большинство щитов были красными, вызывающими на бой, но были и других цветов, украшенные защитными рунами и клыкастыми мордами.

Спокойно шли, без опаски. Издалека было слышно, как били на ладьях в тугой барабан из шкуры морского зверя, отсчитывая мерный ритм гребков. Как журчала вода под дубовыми днищами, как шумно опускались весла, рассекая воду. Громко шли. Свеи никогда никого не боялись. Я знаю, слушая барабан, морские воины могут грести днями напролет без еды и питья.

Многие наши родичи дивились их ледунгам, скайдам и огромным многовесельным драк-карам. Не видели раньше такого чуда. Носы ладей были украшены диковинными зверями, искусно вырезанными. В глаза зверей вставлены янтарные камни, сверкающие на солнце, как живые глаза, а в пасть виднелись костяные клыки.

На всю реку, помню, воняли их змеи-птицы. Пахли засохшей кровью, гнилым мясом и прогорклым жиром морских зверей. Чужой запах, тревожный и незнакомый. Вся живность, почуяв их, уходила от берегов и пряталась по лесам. Люди тоже прятались от их глаз. Может, кто из поличей не видел раньше этих далеких пришельцев, но все про них слышали.

Вел их морской конунг, что на их языке означало походный князь, которого звали Рагнар. Еще они называли его Большая Секира. Его боевой топор был ростом с обычного человека, а сам он – на голову выше самых высоких из наших парней. Мог взять толстый железный нож и сломать руками, а серебряные монеты гнул в пальцах, как обычную бересту. Даже свеи разбегались от него с криками, когда он входил в ярость, начинал рвать собственную бороду и плевать ругательствами, поминая своих богов. Страшный был человек, сильный и яростный, как разбуженный зимой медведь...

Четыре раза по десять десятков – вот сколько воинов привел конунг в наши земли. Я знаю, по обычаю свеев, несколько ярлов, собираясь в поход со своими дружинами, выбирали самого доблестного и бывалого ярла в морские конунги. На этом их береговая вольница прекращалась. Его слово становилось последним, и спорить с конунгом уже никто не мог. Свеи умели воевать по-умному...

* * *

Дружина свеев давно уже была в походе, это видно сразу. Краска на бортах облупилась, смола потрескалась, резьба поблекла и покрылась белым соленым налетом. А люди были голодными и поджарыми, словно волки зимой.

Вместе со свеями пришли на их ладьях несколько отроков князя Добружа. Они объяснили нашим старейшинам, что этих свеев бояться не надо. Они теперь наши друзья. Князь Добруж платит за это. Они, мол, будут стоять здесь станом и стеречь речную дорогу. А мы, значит, должны их кормить и поить. Так приказал князь.

Старейшины были мудрые люди. Они возражали княжьи отрокам. Свеи – что волк лесной, сколько ни корми его, ни гладь по шерсти, он все одно укусит, когда изловчится. Пусть свеи уходят стоять в другое место. Нечем нам их кормить! Дань платим исправно, что еще? Пусть уходят хотя бы к оличам или витичам. Не надо нам их. Мы их боимся.

Но княжеские отроки трясли мечами и лаялись на старейшин. Срамили их, несмотря на седины. Мол, свеи останутся здесь. И стоять будут. Так приказал князь, который собирает дань со всего нашего рода поличей. А если какая скотина возражает против воли красного князя, то скоро, видно, ей собрать в горсть пепел от своей бороды и начать приплясывать босыми пятками на углях костра, чтобы вперед поумнеть...

Старейшинам трудно было их переспорить, княжьи отроки – бойкие. Великий хай стоял тогда в наших селениях, сильно спорили родичи с княжескими людьми.

Свеи тем временем не обращали на нас внимания. Им было все равно, что приговорят старейшины. Они споро вытащили свои ладьи на пологий берег, где река Илень делает поворот вокруг Олень-горы, и стали готовить становище.

Первое время пришлые вели себя тихо. Усталые очень были. Много и подолгу спали возле костров, разжигая их прямо на берегу, возле своих ладей. Ели и пили тоже много. Коров, которых им пригоняли, свежевали, рубили на несколько кусков и варили в огромных котлах. Свиной запекали целиком, подвешивая на палках и обрезаая подрумянившиеся места. Пиво и

медовую сурицу черпали из бочек шлемами. Пили, пока не падали. Просыпались и опять ели и пили. Куски, не доев, бросали прямо на землю, хватали новые, не берегли еду.

Я редко видел, чтобы люди пили и ели так много и жадно, как оголодавшие крылатые змеи Аспиды.

Наши родичи всегда запасали много ржаного и ячменного пива, вдосталь варили сурицы. Что это за торжество, если в брюхе ничего не плещется, а в голове пусто? Но кто может угнаться за жаждой и ненасытностью свеев, глотающих все подряд, как лесной пожар? Родичи гнали им скот, тащили репу, хлеб, крупу, катили бочонки с пивом и сурицей. Старейшины распределяли, что, кому и в какой черед отдавать.

Что тут сделаешь... Князь приказал!

* * *

Вечерами, когда дневные заботы кончались, родичи, как обычно, собирались на толковище за частоколом, отгораживающим село от леса, неподалеку от соснового древа-оберега. На него исконно вешаются всякие мелкие жертвы для лесной нечисти, чтоб не шарила по дворам.

Все обсуждали свеев. Днями все бегали смотреть на их стан, а вечерами рассказывали, кто что видел. Каждому хотелось людей послушать и самому почесать язык. Даже бабы, оставив свои обычные пересуды, подтягивались поближе к мужским спинам. Парни, девки и те побросали свои бесконечные щенячьи игрища. Все слушали.

Я помню, дни уже прибывали, теплели, ночи становились совсем короткими, прозрачными, но к вечеру еще холодало. Поверх холщовых рубаш родичи надевали безрукавки из теплых шкур или меховые тулупчики с рукавами. И, конечно, собираясь на толковище, каждый украшал себя, насколько мог. Заветные обереги прятались вниз, ближе к телу, а наружу выпускались браслеты, кольца, бусы, ожерелья из монет, самоцветов, теплого алатырь-камня, охраняющего от хвори, а то и просто деревянные, выделяющиеся резьбой и раскраской. Подпоясывались все самыми нарядными поясами, расшитыми бисером и цветными узорами. Волосы подбирались нарядными лентами, повязанными вдоль лба, тоже расшитыми знаками-оберегами, особо охраняющими голову. Где еще показать себя во всей красе, как не на толковище?

Старики, чья кровь течет медленно и греет плохо, подсаживались поближе к общему огню. Молодые толклись за их спинами, слушали, набирались от их речей ума-разума.

– Сначала свеи будут пить и есть, а потом захотят наших женщин. Может, баб отогнать пока от реки в дальние села? Или сразу их в схрон отправить? – сказал как-то старейшина Зелены, поглаживая густую бороду, в которой между белизны почти не осталось темных волос.

Годы проявили на его коже коричневые стариковские пятна, но огромную, мосластую статью согнуть пока не смогли. Крепкий старик, как сам бог Род. Никак не одолевал Зеленому злобный Хворст, бог немощи и болезней из подземного Кощеева мира. Все знают, прекрасные девы обходят вниманием безобразия нижнего бога, и от досады на это он сильно лютует в Яви.

Зеленому все уважали. В молодости Зелены-старейшина был знатным воином, ходил на сечи походным князем, крепко рубился. Теперь его сын Злат, такой же огромный и негибачый, как отец, первый силач среди всех селений, водил на рать родичей...

Старейшину выслушали внимательно. Помолчали, подумали.

– А вдруг не захотят? Чего их хотеть, баб-то? – спросил старый Ветрь, приоткрывая выцветшие от времени, слезящиеся глаза.

Сказал – и снова закрыл. Опустил на грудь сухую, прорезанную морщинами голову, где вместо бороды и волос остался какой-то гагачий пух. То ли задремал, то ли задумался, как обычно, – у него не поймешь.

Тоже старейшина, сам не помнил, сколько живет, Сырую Мать топчет. Но его родичи меньше слушали. Последние годы Ветрь начал заговариваться, иногда такое понесет – уши

вянут. Сам, по-моему, перестал разбирать, где Явь, где Навь, а где Правь. Долго живет, дольше всех в роду, говорят, давно уже своим летам со счета сбился.

– Тебе, дедушка, от баб точно никакого прока, ты свой стручок давно в портах потерял. Забыл, небось, где у бабы вымя – с переду или с заду, – влез в разговор остроумец Велень.

Велень давно уже мужик, а все как парень. Юркий он, хоть и борода по пояс.

Родичи, кто помоложе, загоготали. Из-за спин мужиков звонко захихикали бабы.

Старики на них цыкнули. Веленя пообещали выпороть перед всем миром. Ему – как с гуся вода, встряхнулся, хитро прищурил блестящие от пламени костра глаза. Забавный он.

– Захотят, – сказал Зелень. – Разгорячатся пивом да брагою и захотят. Долго были в походе. А человеку подолгу трудно обходиться без женщины. Как можно человеку без женщины? От этого у него в груди поселяются тревожные бесы. Свербят его всяко.

Все опять подумали. Его правда, получается.

– Пускай берут баб. Жалко, что ли, добра длинноволосого? Небось не убудет от них, – решительно, как всегда, высказался силач Злат, старший сын Зелени, косматый, как медведь, и такой же необъятный статью. – Хорошее семя роду подарят, отважное. А хоть бы и совсем баб забрали, тоже невелика потеря. Пойдем ратью к оличам, они сейчас слабые, новых баб себе наберем, помоложе, послаще.

Отец строго посмотрел на него. Покачал головой.

Злат понял, примолк.

– Не о том речь, не о бабах сейчас надо думать, – сказал Зелень. – Где женщины, там и свара, где свара – там сеча. А драться со свеями – дело тяжелое. Свеи – неистовые. Они с малых лет растут с мечами в руках. Я знаю, люди рассказывали, взрослые свеи ловят в лесах волков или медвежат и заставляют маленьких свеев драться с ними деревянными мечами или даже пустыми руками. Лютые воины вырастают из них после такого. Вон Кутря скитался по свету, знает их обычаи. Так, что ли, Кутря?

– Все так, – подтвердил я. – Со свеями рубиться – трижды три раза подумать надо. Они – лютые.

– Ну и что из того. Подумаешь, удивили мелким зверьем. Наши парни тоже сызмальства на охоту шастают. Небось зверя берут не хуже свеев! – сразу возразил отчаянный Злат, сверкнув в мою сторону глазами.

Он на меня всегда косился. Из дальних краев я принес не только воинские доспехи невиданной крепости и красоты, каких в роду ни у кого не было, но и рассказы о ратных подвигах. Силач был ревнив к бранной славе.

На его слова родичи одобрительно загудели. И то правда, напугали ворону падалью, нашли Зелень с Кутрей, чем удивить, волчатами или медвежатами! Лес кругом, этого добра валом.

– Наши зверя берут на потребу, ради шкуры или мяса. А свеи – чтобы забрать злобный дух. В том разница, – объяснил Зелень. – Если в людях сызмальства звериный дух поселить – с такими воевать тяжело...

Родичи, опять подумав, согласились с его словами. Выходит, есть разница. Зря влез Злат со своей похвальбой. Все-таки сын против отца еще жидковат умом.

– Если баб отгонять, надо и скотину гнать. Кто будет за скотиной ходить, если баб не будет? – влез в разговор мужик Корень.

Корня не любили. Мелкий он, но на вредность – крупнее крупного. Хотя сказано было дельно. Все снова задумались. Отогнать скотину – легко сказать. А если не дойдет, спрашивается? После зимы ее и так ветром шатает, не успела еще отъестся на молодой траве...

– У волхва Олеся бы совет спросить, – подсказал вдруг Творя-кузнец.

– Вот это верно! Это правильно! Это по уму! А где волхв, однако?! – оживились родичи.

– Так звали же его на толковище! Бегали за ним! – выкрикнул сзади кто-то из молодых.

– Акто бегал-то?
– А кого посылали?
– А малого Весеню, кажись...
– Да где он сам-то?!
– Эй, Весеня, ты, что ли, к волхвам бегал? – загалдели остальные.
– Ну, я, я... – откликнулся наконец парень из-за чужих спин.
– Да ты не нукай, толком говори, бегал или не бегал? Да выходи вперед, чего там прячешься?!

Рослый, но еще по-юношески тонкий малый протолкался к костру.

– Ну, бегал... – подтвердил он, смущаясь всеобщим вниманием и густо краснея.

Прятал светлые глаза с темными, густыми, как у девки, ресницами.

– Звал?

– Ну, звал...

– И где он?

– Не пришел, выходит... – Весеня виновато разводил руками.

– Да, видать, не пришел... – подтвердили родичи.

– Волхв такой, когда не захочет, не придет...

– Волхвы – все такие. Напрямую с богами разговаривают. Как их понять?

Все опять замолчали. Конечно, у богов другие слова и особые речи... Старый волхв Олесь, весь покрытый морщинами и лишаями, как древний дуб, которому столько лет, сколько и представить нельзя, жил в глубине дремучего Ерошина леса, где скрывалось капище. Там, на священной поляне, пышно росло волховское дерево, вокруг которого стояли резные чурь богов. С ним жили еще двое волхвов, Тутя и Ратень. Но те – помоложе, Олесь у них за старейшину. Лучше всех понимал богов, а они его...

Старейшины еще долго судили да рязали, сразу отогнать скотину и женщин подальше в лес или подождать, пока свеи наедятся.

Чесали головы, гладили бороды, задумчиво ловили в лохматых шкурах нутряных тварей. Да, уж не ждали, не гадали беды. Не было Лиха, а вот оно, тут как тут, появилось. Не зря говорят, Беда да Лихо – подходят тихо. Оно, Лихо, хоть и одноглазое, но всегда высмотрит, в какую кашу нагадить.

* * *

Женщин не пришлось прятать. Оказалось, у свеев появились свои. Щедрый князь Добруж прислал им два десятка здоровых, молодых наложниц. Среди них были даже две черные кожей, как головешки, бабы из далеких южных земель. Я-то таких уже видел, а родичи удивлялись, конечно.

Князь Добруж, как рассказывают, вообще сильно охоч до сладкого мяса. Скупает или крадет красивых молодых дев, где только увидит. Своими глазами не смотрел, кривдой хвалиться не буду, но родичи, кто бывал в Юриче, рассказывали, что разных наложниц у него уже целое войско. А детей расплодилось – он и сам давно со счета сбился. Вот и дарит лишних своим или чужим воинам. И хватает же добра прокормить всю ораву! Богатый князь...

Подаренные рабыни свеям и порты стирали, и мужскую нужду удовлетворяли так, что посмотреть любо-дорого. Многие специально бегали наблюдать тайно, залезали на деревья, чтобы лучше видеть. Умелые были рабыни, обученные, гибкие, как змеи болотные. Не чета нашим девкам-коровам.

По вечерам становище свеев оживлялось. Они точили мечи и секиры на камнях, смачивая их водой, чтоб не оставалось царапин на лезвиях, чистили и смазывали жиром доспехи, предохраняя от ржи. Громко говорили и спорили на своем причудливом языке, похожем одно-

временно на вороний кар и журчание воды между камней. Подолгу слушали монотонные, рубленые, как бревна, песни своих певцов-скальдов: совсем юного отрока Домара со звонким голосом девы и Якоба, того, что постарше, со сплюснутым ударом палицы ухом и шрамом через все лицо, обнажавшим зубы в углу рта, отчего казалось, что он все время усмехается.

Я знаю, о чем пели их скальды, я немного понимал их язык, побратимы-венды когда-то учили меня языкам морских народов... О бесконечных походах, непрерывных битвах и о нескончаемых хмельных пирах пели они. О волооких девах с берегов теплых морей, трепещущих от одного вида неистовых воинов, и о верных женах, ждущих ратников из набега и стерегущих добро на берегах студеного моря. А дальше, когда они вернутся домой и обнимут жен, будут новые походы и новые славные битвы, где кровь потечет выше полноводных рек, а бойцы перестанут видеть друг друга из-за трупов врагов. Это ли не есть счастье, спрашивали скальды? Что еще нужно воину? Когда же он, воин, наконец погибнет со славой, Один Всеотец возьмет его в свой дворец в Асгарде. Там, в чертогах Вингольв и Валгалла, великие воины целыми днями сражаются друг с другом, а по вечерам убитые за день оживают, раненые исцеляются и все вместе садятся пировать до рассвета за один большой стол, во главе которого пьет вино сам Один Всеотец. Какое еще счастье нужно воину, если битва его никогда не кончается?

Конечно, я не все понимал. Чужой язык было тяжело разбирать с малыми знаниями. Тем более что свеи в застольных беседах и песнях любят играть словами, как камешками на морском берегу, называя многими и разными словами то, что можно сказать одним. Я помню, венды рассказывали, женщину свеи называют в своих песнях – хозяйкой бус, воина – посох сечи, щит – ратный лист. Нападение у них – яростный викинг, море – пастбище деревянных коней, или дорога рыб, или тропа холодного ската... Ауж свои ладьи как только не называют деревянные кони, морские драконы, ратные птицы, вспениватели морей, летящие по гребням волн – много находят причудливых слов. Искусство красивого слова ценится у них высоко. Считается вторым подарком богов, после силы и ратной сноровки...

Потом свеи отъелись, отдохнули и начали обживатьсья. Первым делом взялись за свои ладьи: заново шпаклевали борта пропитанной смолой шерстью, смолили поверху, поправляли вычурную резьбу и сшивали порванные паруса. Умело работали, слаженно...

Наши все время наблюдали за ними. Станные люди, непонятные. И пришли, налетели, как ветер, и шумят между собой, как перелетные утки.

Когда их ледунги, скайды и драккары засияли как новые, они начали обустривать свой стан. Взялись за лопаты и насыпали по кругу земляной вал в десять-пятнадцать локтей. Землю укрепили нарубленными в лесу бревнами. С четырех сторон оставили входы внутрь, которые закрывали на ночь бревенчатыми воротами. Внутри, тоже из бревен, построили огромную, невиданной длины избу. В ней, на деревянных настилах, поставленных ими вдоль стен, ночевали все воины сразу. Посредине избы – длинный стол, за которым, тоже разом, ели и пили. Из камней сложили в избе две огромные печи, в пасть которым могла войти целая корова. Крышу, как и мы в наших избах, сделали двухскатной, чтобы в щели выходил дым. Покрыли ее тесаными лесинами и обложили землей поверху. Не боялись, значит, спать, когда над головой земля, как во владениях подземного ксаря Кощея. Смелые, рассудили родичи.

Для женщин-рабынь построили отдельную, малую избу. Я знаю, свеи всегда держат рабов отдельно.

Свою земляную крепость свеи, смеясь, назвали Рагнаргард. По валу день и ночь ходили дозором стражи в полном боевом снаряжении, с копьями, мечами, луками и щитами на ремнях за спиной.

– Высоко ходят их стражи. Скоро напьются и будут падать со стен, – сказал, помню, нам всем Корень, когда мы под защитой леса наблюдали за только что построенным Рагнаргардом.

Творя-кузнец задумался над его словами. Долго скреб кучерявую бороду. Потом поймал под мышкой насекомое. Раздавил ногтями.

– Не будут падать, – наконец сообразил он. – Они, когда напьются, будут себя к кольям привязывать. Вон колья торчат на валу, в землю вкопаны, как раз для того, надо думать, чтоб стражи не падали. А ты как полагаешь, Кутря?

– Полагаю, не для того! Свечи на страже не напиваются, у них – строго. За любую ратную провинность – одно наказание, отбирают оружие, доспехи и выгоняют из дружины с позором. – ответил я. – А для свечи такой конец хуже лютой смерти, после этого свейские боги не возьмут его к себе, в верхний мир.

– А колья тогда на что навтыкали? – недоумевал Творя. – Заострили, вон, поверху...

– Надо думать, головы на них насаживать, – ответил я. – У свеев в обычае головы врагам отрубать и на кольях вялить, чтобы остальные видели и боялись.

– Чьи головы, ты говоришь, насаживать? – не понял Корень.

– А вот хотя бы твою...

– Да чтоб у тебя на языке типун вырос! Чтоб тебя лихоманка в три погибели скрючила и не разогнула! – сразу разозлился Корень.

– Кончайте лаяться, смотрите лучше, – миролюбиво заметил Творя...

Да, они быстро обустроились, эти пришлые, нам оставалось только дивиться на их проворство. За валом, прямо на берегу Иленя, поставили большую избу-баню. В ней смывали грязь и подолгу жарились у большой печки, обливали водой ее раскаленные камни и обжигались горячим паром. Голые и красные от жары, выскакивали из бани прямо в студеную воду. Плескались в холодной воде, кричали, как лоси во время случки, и возвращались назад, в тепло.

Когда мы с Корнем и Творей первый раз увидели баню, то даже вышли из леса от любопытства. Долго стояли, смотрели, дивились на странный обряд. Тела у свеев были большими и крепкими. Молодые – еще ничего, ладные. У старых – мухе сесть некуда, так исполосованы в сечах. На голой покрасневшей коже были видны многие шрамы, следы от старых ран и пятна от огня, которым они их прижигали в опасении гнилой лихорадки, от которой тело наливается красным огнем и пахнет заживо мертвечиной.

– Конечно, у каждого народа обычаи... Но – чудно! – неторопливо сказал плечистый, крепкий, как сучковатый пенек, Творя, задумчиво наблюдая за ними.

Я помню, он всегда был неторопливым, еще сызмальства. Комара со щеки не собьет, не подумавши, такой нрав.

– И все одно не понимаю я, что за радость греться, как горшок в печи, а потом студиться в воде, – сказал Корень.

Осуждающе покрутил головой, поскреб свою жидкую бороденку. Корень был уже седым, почти четыре десятка раз сменялось лето на зиму, вот сколько прожил он на белом свете. Впрочем, он всегда казался старым и недовольным, даже когда был безбородым мальцом.

– Я как-то зимой в проруб на реке провалился, так лихоманка кашлем трясла аж до Комоедицы, когда медведь-хозяин из берлоги встает. Баба Мотря дала отвар шептун-травы, только ей и отпоил хворобу, – вспомнил Творя. – А тут – сами в реку...

– После жары им в студеной воде не холодно, – сказал я. – А начнут замерзать – опять в жар.

– Все равно чудно, – сказал Творя.

– В Яви боги устроили много чудного, – ответил я.

– Конечно, ты знаешь, где только тебя не носило Лихо одноглазое... – ехидно отозвался Корень.

Он не мог не ковырнуть. Такой, заметив болячку, обязательно ногтем потянется.

Тоже нрав...

– Обратно смотреть, из огня да в холод, железо так закаляют, – рассуждал Творя. – Может, от этого свей такие сильные?

– Да нет, баловство одно. Какая сила может быть в печке? – немедленно откликнулся Корень.

Ничего нового он не любил. Деды-прадеды, мол, жили без всяких новшеств, а ведь не дурнее были. Я давно заметил, равными себе по уму Корень признавал только дедов-прадедов...

Внутри своей земляной крепости swei установили кузню. Могучий конунг Рагнар сам работал в ней большим молотом, поправлял зазубренные мечи, кольчуги, ковал ножи и наконецники для стрел из привезенных с собой железных кругляков-чуш. Он оказался умелым кузнецом, этот морской конунг, с мечом в руке собиравший свое богатство в чужих краях. Нашему ковалю Творе, у которого дыма всегда больше, чем дела, было далеко до его искусства. Впрочем, у нас и железа всегда было мало, болгарские гости просили за него много мехов, меда или серебряных монет. Где тут научиться?

* * *

Постепенно родичи привыкли к соседству sweev. Самые отчаянные даже заходили внутрь крепости. Днем swei пускали к себе. Даже зазывали порой, предлагали выпить с ними хмельного, подсовывали деревянные чаши, куски мяса и сала. Смеялись много, скалили зубы, быстро говорили о чем-то между собой, часто поминая своих богов: Одина, Тора, Бальдрома, Ньерда и еще разных.

Наши родичи так вольно с богами не обращались, не поминали их через каждое слово. Боги капризны, им быстро можно надоесть. Прогневаются, беды не оберешься. А эти, видишь ты, говорили о своих словно о ровне. Отчаянные старики, конечно, отговаривали молодежь ходить в крепость. Напоминали, swei – что зверь лесной. Сегодня он улыбается тебе и клянется в дружбе, а завтра с той же улыбкой вцепится зубами в горло. Люди-волки – вот кто они. Которые, даже если приходят торговать с серебром, все равно высматривают, не лучше ли взять железом.

Как всегда, они оказались правы, эти мудрые старики. Старики знают жизнь. Их мудрость складывается из долгих лет, как река на перекатах годами складывает себе высокие берега из песка и гальки...

2

– Я, Корень, сын Огня, сына Крати, расскажу, как все было!

Я, Корень, долго прожил на белом свете. Это пусть безбородые молодые юнцы и девки, только увидевшие свою первую кровь, верят, что жизнь радостна, как приход весны. А я твердо знаю другое! Жизнь – это не радость. Это работа, нескончаемая, как вращение гончарного круга. Ломаешь ее, ломаешь, а работа никогда не кончается... Жизнь – это забота о завтрашнем дне. Это опасность. Это страх перед богами, перед нечистью лесной и водной, перед чужими людьми... Со страхом живет человек, со страхом и умирает, уходит к предкам, поведать про дела свои в Яви и получить почет по заслугам. И об этом надо подумать, проживая жизнь: как встретят тебя строгие боги и духи предков, за какие дела похвалят, за что спросят и не помилуют. Пусть молодежь, которая способна только подпевать ветру в собственной пустой голове, радуется буйной весне. Играет соками вместе с ней. Запасливая осень лучше, умнее. Я всегда это понимал, даже когда сам был молод. Я – умный!

Те, кто отправляются бродить по белу свету, – это тоже дети весеннего, плодородного бога Ярилы. Вместе с ним они навсегда остаются детьми. Как и молодой бог, они ломают и переделывают все, к чему прикасаются, хотят все увидеть и до всего коснуться рукой. Но самое большее, способны только слегка насмешить богов, наблюдающих с высоты Прави за их тщетными потугами.

Так было всегда и так будет!

Свеи, которые пришли к нам, тоже были дети весны, хотя и родились там, где живет холод. Они не способны думать о будущем, поэтому проживают каждый миг, как последний, не щадят себя ни в сече, ни на пиру. Как только я увидел их ладьи на берегу, сразу понял: добра не жди...

Я скажу точно, от чужаков всегда одни беды!

Это было еще до меня, но старики рассказывали, так же неожиданно пришли к нам в селение ратники князя Добрыни, отца нынешнего князя Добружа. Они пришли на конях, покрытых дорогими, вышитыми попонами, носили многослойные кожаные панцири с железными вставками и везли с собой копья, мечи и щиты. Тоже были молодые, нахальные и разговаривали так, словно ничего не боятся.

Теперь поличи будут платить дань князю Добрыне, сказали они старейшинам.

Все уже знали, до нас дружинники князя приходили за данью к оличам. Их было мало, а оличей много, но дружинники не боялись. Оличи собрали рать и победили их. Чтобы люди князя боялись впредь, они многим дружинникам отсекали головы, а оставшимся выжгли глаза раскаленными на огне ножами, подрезали на ногах жилы и отпустили. Решили, пусть живут, как могут. Впредь другим накажут, чтоб не повадно было ходить в земли оличей.

Потом сам князь Добрыня с большой дружиной приходил к оличам. Оличи снова собрали рать, но княжеские отроки порубили их и потоптали конями. Князь сжег дома в их селениях и многих мужчин убил. А женщин и мальчиков взял себе. Собрал дань еще большую, чем назначил. Долгий плач стоял в землях оличей.

Сейчас оличи, конечно, опять народились и обнахалились. Их род всегда плодился, как полевые зайцы...

Наши старейшины платить дань тоже не хотели. За что мы будем платить, спрашивали они. Живем мы сами по себе, пасем скот, растим зерно, охотимся, ловим рыбу, бортничаем. Жертвы, какие полагаются каждому богу, приносим в срок. Они довольны. Три года подряд урожайные, а Коровья смерть, старуха лютая, с граблями вместо обеих рук, к витичам заходила в прошлом году, а к нам не пришла, отпугнули ее всем родом. Что еще нужно?

Нет, старейшины не хотели платить дань. Но и сечься с княжьей дружиной они тоже не хотели, помнили про участь оличей.

Дружинники князя были хитрыми. Уговаривали старейшин. Вот, мол, вы с оличами на рать выходили, напоминали они, и с витичами, и с далеким народом косин воевали три дня и три ночи. Многие молодцы сложили головы отдельно от тулова в постоянных раздорах между родами. Зато теперь, мол, начнется другая жизнь. Чуть какая свара, за топоры и мечи хвататься не нужно, сразу – на суд к князю. А уж он, светел и ласков, как отец родной, по вине – накажет, без вины – помилует. Порядок будет. Стоит порядок малой дани? По две беличьи шкуры с дыма, не о чем говорить. Она, дань ваша, князю-то и не шибко нужна, у него самого закрома ломятся от припасов. Для порядка только и послал нас, об вас же днями и ночами радеючи...

Для порядка – это конечно, соглашались старейшины. Это понятно. Порядок стоит того. Вон оличи живут без порядка, и витичи живут без него. Откуда у них порядку взяться, коль издревле умишком обижены? Аспидное семя, что те, что другие. Все знают, в стародавние времена было у отца три сына. Старший – умный, от него пошел род поличей. А два меньших – один дурее другого, блох доили, на комара загоном ходили, решетом воду носили. От них роды витичей и оличей расплодились. Нет, без порядка никак нельзя, коль такие соседи рядом, твердили наперебой старики. Только где взять дань для князя, вот в чем вопрос. Три года только и были урожайными, только наелись вдосталь, а до этого пиво водой разводили и животы заливали, чтоб только к спине не присохли. Голодом-холодом как уж маялись, страшно вспомнить. И Коровья старуха опять же неподалеку, так и рыщет, глазами зыркает, выбирает коровушек пожирнее. Одна только надежа на добрую богиню Живу. Если она не спасет стада, опять пропадать начнем.

Дружинники внимательно слушали про трех сыновей, про Коровью смерть, про Живу-надежу. Сочувствовали худому житишку до слезы на усах. И опять начинали плести кружева про лад-порядок между родами и княжий справедливый суд...

Долго рядились. Приговорили платить князю в год по беличьей шкурке с дыма. Поклялись в том на огне и железе.

С тех пор мы и платим. Только теперь платим больше. Жаден молодой князь Добруж, сын Добрыни. На нашу же дань покупает себе дружины свеев, что жрут в три горла наши запасы. Тоже нам на погибель.

* * *

Я же говорю, все беды от пришлых!

Если вспомнить, Сельга по крови тоже не из поличей. Пришлая. Ее малой девчонкой подобрала в лесу старая баба Мотря, собиравшая травы в канун Купалы, когда все родичи, кто еще в силе телесной, чествовали свадьбу Солнца с Месяцем и сами соединялись телами, кто на кого глаз положил или так поймал, без умысла, по горячке. В такую ночь – всем без отказа, исстари повелось. До зари, помню, горели костры на берегу, хохотали бабы и ухали мужики, взбадривая криком и сурицей игру семени.

А Мотря в лес ушла, потаенные травы искать. Понятно, она старая, ей не до игрищ. Да и то подумать, кто позарится на ее древний мох? Кому – налитой стебель щупать, кому – травки перебирать, всякому свое, так устроили жизнь светлые боги.

Вот, не ходила на игрища, а принесла в подоле, как молодая. Вернулась из леса с девкой, смеялись потом родичи. Девчонка была маленькая, оборванная, худая, хлопала глазами, пугалась каждого звука и лопотала только одно слово:

– Сельга! Сельга! Сельга!

Решили, имя свое объявляет. Так ее и называли.

Я вспомнил, когда еще сам был малым, отец Огнь, великий охотник был, пока не прибрал его в грозу гневливый Перун, принес из лесу щенка лисицы. Щенок тоже все норовил забиться в угол потемнее, мочился со страху и скалил оттуда мелкие белые зубки. Точь-в-точь как она. Совсем была дикая. И очень худая, одни мелкие косточки торчали сквозь обрывки холстов. На последнем уже дыхании находилась. Как она прошла через бескрайний Ерошин лес, где живут мохнатые лесные люди Ети, где рыщут добычу зубастые звери? Непостижимо умом...

Не выживет, сказали все старики. Выхожу, ответила им тогда старая Мотря. Настоями, травами отпою, будет жить. Этого, мол, ребенка посылает мне сама богиня Мокошь взамен сыновей, убитых на ратном поле совсем молодыми, не оставившими приплода. Будет мне теперь вместо родной дочери. Будет, мол, кому разжевать беззубой старухе корку на мякиш, когда десны расстанутся с остатком зубов.

Радовалась, значит, находке.

Старейшины сомневались, конечно. А вдруг не Мокошь послала? Как знать? Вдруг это дите Лешего, лесного хозяина, или порождение страшного одноглазого великана Верлиоко, что сторожит чашу? Прижил, допустим, великан дите с какой ни есть бабой и нам подкинул. А после придет за ним в наши селения и многих поедом съест. Может такое быть? Может, конечно... А то, еще хуже, живые камни, по злomu чародейству оличей или витичей, или далеких косин родили человеческое дитя на погибель всему роду поличей. Вот вырастет девка, окаменеет и как начнет всех изводить, куда денешься? Такое тоже вполне может быть... Лучше отнести девку обратно в лес, а там пусть боги распоряжаются ее судьбой. Выживет или нет – это их воля.

Но баба Мотря обидно обозвала стариков старыми вонючими козлами. От страха, мол, всегда готовы прежде времени обдристаться. Где это видано, чтоб безвинного ребенка снова в лес на погибель отправить? Не отдам лесу, себе оставлю и выхожу, твердо сказала она. Баба Мотря никогда не стеснялась в словах. А по правде скажу, не будь она ведуньей с огненным глазом, быть бы ей не единожды поротой за острый язык.

Старейшины спорили с бабой Мотрей, но кто ее переспорит? Поди поспорь с ней, когда она не только травы знает, понимает их тайную силу, но и ломаные кости вправляет, хвори гонит из людей и скотины. А может, обратное дело, наслать хворобу или другое что... Глаз-то огненный, так и сверкает, когда на тебя посмотрит. Она, говорили, когда по лесу ходит, самого Лешего приветствует, как родича. Ей даже мохнатые Ети уступают дорогу. Всякое про нее говорили. Кто знает, что правда? На всякий случай лучше оберегаться ее! Не только я, многие так думают.

Ладно, пусть выхаживает, приговорили старики. Авось еще не выживет девка. Сама помрет, и спорить будет не о чем.

И выходила ведь, старая! Скоро девчонка уже ковыляла по селению, первое время – с клюшкой, потом – без. Пополневшая, но все такая же пугливая. Когда к ней обращались, не откликалась. Отворачивалась и убегала в Мотрину избу. Кричали, свистели вслед – не оборачивалась, еще пуще бежала. Как будто не понимала по-нашему. А может, и не понимала, кто ее разберет? Мотря ничего про нее не рассказывала. У такой – поди выпроси! Посмотрит своим лихим глазом – язык к зубам прилипаёт...

Да, я помню, сильно боялась Сельга, когда была маленькой. Всех подряд боялась, от случайной тени шарахалась. С придурью девка, решили мы тогда. Может, от оличей отбилась или от витичей, их дурная кровь внутри бродит? Впрочем, нет, они бы сказались, что у них дите пропало...

Минуло несколько зим и лет, и Сельгу стало не узнать. Выправилась. Поднялась, как опара у печки. Говорила она по-прежнему мало, но бойко, за словом за реку не ходила. Никого больше не боялась. Даже в лес ходила одна-одинешенька. По многу дней в лесу пропадала. Из лука стреляла, как хороший охотник. А уж взрослой стала, разумной просто не по своим

годам. Смотрит ярко-синими глазищами и как будто насквозь тебя видит. Так и щупает нутро, смущает взглядом. По молодости, конечно, хороводится с девками и парнями, играет игры, как положено, но всегда словно чуть наособицу. Я давно заметил, даже самые бойкие из парней не хватают ее бездумно за телеса, как других, не толкают, не шиплют, а будто смущаются. Вроде как сила неведомая в ней есть, в этой пигалице.

Ничего, ничего, обрухатится, засмирнеет, решили мы тогда. Не она первая...

Выходит, ошиблись.

От себя скажу, бывают, случаются такие люди, что из ребячества становятся сразу взрослыми. Умом-разумом быстро превосходят ровесников, как дерево, что стрелой растет ввысь, когда другие вокруг еще только пытаются приподняться над землей и камнями. Про таких говорят: их боги при рождении отмечают особо. Вот я, например, такой! Очень умный я с самого детства. За это меня и не любят родичи, что умнее других...

В селеньях рода Сельгу постепенно начали уважать. Баба Мотря передала ей свои знахарские секреты. Старая теперь лежала больше, Сельга сама всех лечила. И лихоманку снимала, и ломоту в костях, и боль в брюхе после долгих праздников, и при родах помогала скотине и бабам. Да ловко как! Мужик бороду почесать не успеет, а у него уже приплод готов в избе или в стаде. Обмывать пора хмельным делом.

Люди говорили, от одного ее взгляда легче становится, вот оно как! Большая в ней оказалась сила...

Нет, сказать против нечего: хороша получилась девка! Не нашенская, издалека видать, других кровей, но хороша. Глядишь, и отворачиваться не хочется. У наших-то волос темно-русый, прямой, лица широкие, носы тоже широкие, глаза светлые, с водянистой голубизной. А у Сельги глаза яркие, синие, как небо в летний полдень. Волосы потемнее, почти черные, волнами выются. Красиво! Лицо тонкое, смуглое, даже зимой словно бы тронутое Хорсом-солнцем, уже набравшим весеннего жару. Тело тоже тонкое, стан – дюжий мужик пальцами обожмет. Но складное, где надо – все круглое. Скрывать нечего, все на нее засматривались.

Хороша! А мужикам себя не дает.

Я вот думал тогда: может, у нее по женской части не хватает чего? Нет, с виду вроде бы все в порядке. Когда она мылась в реке вместе с другими бабами, я нарочно смотрел. Грудь, правда, небольшие, девичьи, но торчком стоят, подмигивают темными сосками. Кожа гладкая, чистая, блестит на солнце. Бедра полные, налитые. Черные волнистые волосы промеж ног и под мышками, мягкие с виду, как шерстка ягненка. Хороша! Так бы и впился в нее как клещ!

Но там, внутри, кто ее пробовал? То-то, что никто. Никому не давалась. Наши-то девки как? Пока решают, с кем будут жить, уже одно-два чада бегает по двору. Редко кто без прибытка к мужику в избу входит. А вокруг этой парни вились, как оводы вокруг коровы. И ничего! Мужики постарше пробовали уговорить. Сулили, кто чем богат. Опять ничего! Сам Злат, старейшины Зелены сын, первый силач во всем нашем роду, два раза с ратью походным князем ходил, богатый теперь, кружил, кружил возле избы бабы Мотри, но так ничего и не выкружил.

Я, врать не буду, тоже испытал удачу. Как-то объяснил ей по чести, мол, если мужик нужен, только скажи-намекни. Я, сама знаешь, живу с бабой, трое детишек у нас. Но это не помеха. Завтра же объявлю перед всеми родичами, что отсылаю дурную бабу прочь, а себе хорошую беру, новую. Ее, значит. С молодых-то парней что толку, им бы только по кустам скакать, с кем – без разницы. Сегодня – одна, завтра – другая, ненадежный народ. В голове, кроме смеха, одни несерьезности. А я – мужик зрелый, холить буду и нежить. Запасы у меня в закромах. Серебро есть, меха на продажу. Может, не столько, сколько у Злата, все помнят, как он походную добычу делил. Но есть, на двоих хватит. Только бровью поведи, что согласна!

Не повела бровью. Пронзительно посмотрела синими своими глазищами, как огнем обожгла. Ушла. И не сказала ничего, а словно бы гнилой водой облила с головы до ног. Будто провалился в болото ржавое и обсыхаешь после. Обидно даже.

Потом я еще долго не встречался с Сельгой лицом к лицу. Не по себе было. Вроде ничего не сказал противного обычаю, а все одно, будто виноват перед ней...

Думал я про нее, врать не буду. Много думал. И понял – не все так просто. Если рассудить – нашли Сельгу в лесу, растила ее баба Мотря, сама девка все время в лес срывается, как волчонок с привязи. Нет, тут нечистая сила где-то рядом ходит. Иначе чем можно объяснить, что у мужиков старых и малых от одного ее вида в голове дурман кружится? Ничем, правильно! Потому что баба и есть баба, все они одинаковые. Что на них смотреть? Когда загорится нутро – вроде сладко. А справил нужду, спустил семя, понимаешь, чего в ней хорошего, в бабе-то? Разве что волосья, подушку набить ради крепкого сна. Я-то знаю, я долго живу. Я умный. Родичи думают, что я вредный, а я просто умнее других, таким уродился...

Я уже и к волхву Олесю ходил советоваться, колоду меда носил богам в жертву. Хороший мед, прозрачный, как вода в Илене. Полная колода была, упрел весь, пока тащил.

Мед старик Олесь взял. Пожевал губами довольно. Пошел на капище, пошептался с чурами. Вернулся, сказал, боги принимают жертву. А ты, мол, иди отсюда пока. Они думать будут.

Я и пошел, конечно. До сих пор жду ответа. Боги не торопятся, некуда им торопиться.

Может, мало принес? Что богам – одна колода на столько ртов. Две надо было. Сельга так и осталась для меня непонятной. И глаз не оторвать, и зубом не укусить. В общем, одно слово – пришлая...

* * *

Я, Корень, скажу по правде – Кутря тоже наполовину пришлый. Хоть и наш родович, помню я, как он еще беспортошным по селу бегал, но глянешь с другого бока – чужой. Парнем еще пропал, много зим и лет его не было. Забыли уже про него. Решили, его лес забрал.

Потом, вернувшись, Кутря рассказал, как дело было. Мол, болгарские гости, что проходили водой неподалеку, сманили его с двумя товарищами в поход. Помогать им тащить челны волоком вокруг порогов. Обещали Явь показать и заплатить за работу изрядно. А так как старейшины, понятное дело, не отпустили бы молодых, болгары уговорили их бежать тайно.

Натерпелись потом. Одного из товарищей быстро взяла себе Илень-река, нырнул однажды за выпавшим тюком и не вынырнул. А Кутрю с другом болгары в конце похода продали как рабов народу древлян. Чтоб не расплачиваться, наверное. Древляне надели на них железные ошейники, но оставили у себя ненадолго, тоже продали. Потом его еще несколько раз продавали, разлучив на одном из перегонов с товарищем. Где он теперь, жив ли, кто знает? Наверное, нет, рабам боги не отпускают долгую жизнь...

А он, Кутря, где только не побывал. Видел земли, куда Морена-зима никогда не дотягивается своими снежными пальцами, купался в теплом море, где вода горькая от соли, а тело не тонет, всплывает в густой воде. Бродил по горячим бескрайним пескам, где сам Хорс гневается на людей, которые там появляются. Бьет их раскаленными кулаками по голове и показывает чудные видения-миражи. Все делал Кутря: дробил камни, добывал соль, прикованный железом, крутил весла на огромных морских ладьях-триерах богатого народа византиев.

С триеры он и убежал. В одном из походов, проходя вдоль берега, они с товарищем из вендов сбили цепь, сломали горло стражу и подались в Дикое поле. Долго шли, совсем приготавлились умирать в травяном море. Боги выручили, не дали пропасть, не иначе. На одной из речушек венд-побратим заметил три ладьи со своими соплеменниками. Те пробирались в набег на богатый юг, прихватили их с собой, дали мечи и броню в долг.

Набег оказался успешным. Много крови пролили воины-венды, много домов пожгли, много сладкого вина, пахучего масла и красивых рабынь взяли. Золото, серебро, дорогое железное оружие – в теплых странах всего в достатке. Богато живут. Но чудно. Почитают бога, кото-

рого сами же и убили на кресте, есть у них там такая казнь. А как можно убить бога? Непонятно. Наверно, не бог это был, ошиблись они. Но – почитают.

Легко живут в теплых странах, рассказывал Кутря. Сами свои богатства не охраняют, нанимают за деньги воинов. А кто будет хорошо стеречь чужое добро? Тоже непонятно мне, может, приврал Кутря для красоты слов? Его отец-покойник, помню, был бойкий на всякие выдумки...

Венды в набеге не слишком-то сторожились, поняли родичи из его слов. Набегали, как волна на берег. Боялись их местные.

Потом Кутря ходил с вендами и в другие набег. Жил среди них как равный. Венды уговаривали Кутрю навсегда остаться у них. Ценили его ратную доблесть и ловкость в бою. Но – не остался. Потянуло к своей земле, поближе к нашим богам. Сидишь, бывало, в ночи, под высоким небом с яркими, чужими звездами, рассказывал он, и в груди щемит, как вспоминаешь хвойный сумрак лесов или серебряные воды Иленя, неспешно огибающие песчаные плесы...

Набегавшись вдоволь, Кутря отстал от вендов. Вернулся.

Наши, конечно, слушали его раскрыв рты. Диковинными казались его сказы про дальние земли и разные непонятные народы.

Я врать не буду, после возвращения стал Кутря каким-то шалым. Часто и подолгу сидел у реки, смотрел на воду. Что он там видел? Или уйдет в лес, на охоту, тоже надолго. Охотился не как все родичи, большими загонами. Один ходил, с луком, ножом и рогатиной. Но возвращался всегда с добычей. Что положено, отдавал роду, остальным сам кормился.

А уж отчаянным стал, истинный свей. Я помню, задрался он с самим Златом по какому-то малому делу. Тот разъярился медведем, что на дыбки встает, сгреб Кутрю в охапку, все думали, на месте задавит. А Кутря пальцы в щепоть сложил, да как двинет Злата куда-то в живот. Тот и задышал через раз. Это ведь еще догадаться надо, что щепотью можно ударить, как мечом или топором! Хитер... Мало того, пока Злат воздух ртом собирал, Кутря ловко так подсел под него, выпрямился, у Злата только ноги в воздухе замелькали, как у птицы крылья. Руками замахал, захлопал и полетел. Брякнулся оземь, Сырая Мать аж загудела от тяжести. Все наши родичи только рты поразинули, глядя на такое невиданное искусство...

Злат долго потом крутил головой, все выпрашивал Кутрю, какой хитростью тот его приложил. Озлился на него за срам перед всеми, не без этого. Он, Злат, сильно высоко ставит себя над другими. Но с руками больше не лез, это все заметили.

Женщину Кутря не стал себе брать. Тоже не по-людски, как можно человеку без женщины? Кто сеять, кто огородничать будет, за скотиной ходить, стирать, жарить, парить, кому варить пиво на зиму? Мужик – он охотиться должен, рыбалить, на рать ходить, когда свара между родами. Остальное – на бабе, для того ее и держат в избе. Так было всегда и так будет.

Понятно, бабы у него случались, зрелое семя всегда игры требует. Коловодился он с бабой Топаря, видели их. Но к себе жить не брал. Хотя Топарь отдал бы, его, Топаря, и спрашивать не надо, тихий он. Еще, знаю, Кутря к бабе Анисе захаживал. С девками его тоже видели. Нравился он им. Девкам вообще нравятся такие шалые да глазастые с ресницами, я всегда замечал. Глупые они еще, девки-то, не понимают еще, что главную мужскую прелесть не на лице, а в закромах надо смотреть...

Конечно, нравился. Уходил-то он юнцом с едва опушенными щеками, а вернулся молодец. Невысокий, но плечистый, обугленный солнцем как головешка, с выцветшими добела волосами, и борода подстрижена клином, не по-нашему. В кольчуге пришел, в шлеме дорогом, меч и щит с собой нес не хуже свейских. Сам как пришлый. Не узнали сначала. Испугались.

Потом думали, опять уйдет. Отбился уже от рода, наверно.

Он остался. Избу срубил, печь поставил, сел на хозяйство. Но какое у него хозяйство? Дым да зола, да два топора. Истинно, отрезанный ломоть не пришьешь к караваю, люди зря не скажут...

* * *

Я же говорю, с пришлыми всегда что-нибудь случается. Это ведь Кутря нашел Сельгу на берегу, после того как ее силой взял своей Бьерн. А Кутря нашел, стянул рубаху с себя, завернул ее, принес в селение на руках.

Сельга молчала, дрожала только, как звереныш. Как в детстве, когда ее принесли из леса.

Старая Мотря пластом лежала последнее время, только по нужде вставала. А тут откуда силы взялись? Подхватила, сорвалась с лежанки, закудаhtала наседкой. Уложила Сельгу на лавку, укутала, захлопотала над ней. Выгнала всех из избы, дверь изнутри подперла дрыном.

Мы все тогда наладились через окно смотреть. Окно большое, можно вдвоем смотреть, остальным рассказывать.

Мотря долго над ней колдовала. Руками водила вокруг нее. Потом оглянулась, посмотрела на нас без радости и на окно набросила холстину. Совсем стало ничего не видно. Я же говорил, скрытная она...

Все родичи долго обсуждали этот случай. Старейшины собирались, тоже думали. Конечно, рассудить, так сильничать девку нехорошо, не по-нашему это. Не водится у нас того, чтоб силком, вон их сколько, глазами зыркают, кому согласие дать. Бери – не хочу. Но, с другой стороны, может, у свеев так принято. Кто знает?

И что теперь делать? Нашего парня за такие шалости выпороли бы перед общиной да заставили бы выплатить вину деньгами или мехами. А свея железного поди заставь! Хотя хорошо, если бы заплатил честью. Своей богатые, много можно просить. С третьей стороны смотреть, от девки не убудет, конечно. Опять же, вдруг она дитя понесет от свея, роду – прибыток, хорошая кровь войдет в род, отчаянная, будет кому дальше биться с оличами, витичами и косинами.

Но поторговаться все-таки надо, приговорили старейшины, вдруг заплатят за обиду? Только кому, отчаянному, идти торговаться со свирепыми свеями? Опять думай...

Пока старейшины думали, боги все рассудили по-своему. Лихой Кутря перерезал Бьерну горло на берегу, как свинье перед зимними холодами.

Конечно, узнав об этом, старейшины сгоряча решили Кутрю выпороть за своеволие. Либо свеям отдать, если спросят, пусть по-своему его наказывают. Но, обратно сказать, за что пороть? Каждый родич может принять на себя родовую обиду и отомстить за нее по своему разумению, испокон веков так повелось. Об этом на толковище напомнил Злат, который неожиданно выступил в защиту Кутри. Другие мужики, кто побойчее, поддержали силача. А я понял, не Кутрю защищал Злат. Просто обрадовался его мести. Понял, своей этого так не оставят и, значит, быть сече. Ну, не терпелось ему пощупать богатство свеев. Многим уже не терпелось, все знали, своей после похода, их ладьи до бортов полны разным добром...

Старейшины послушали их, подумали еще, Кутрю пороть не стали, а снова пригото- вились торговаться. По-другому теперь, себе в убыток уже. Кровь – не вода в реке, дорогого стоит. Платить придется всем родом. Ладно, решили, заплатим, запасы есть в закромах, боги не обижают род. Им обида была, нам обида, как-нибудь сторгуемся миром.

Но опять получилось не по задуманному. Кто может знать волю богов?

3

Я, Кутря, сын Земти, сына Олеса, расскажу, как было. Как хоронили свеи своего дружинника Бьерна. Я смог это увидеть. Смог ужом подползти поближе, не колыхнув травы, не шевельнув ветки. Не заметили меня свеи.

С тех пор, как зарезал Бьерна, я все время наблюдал за свеями. Дозором кружил вокруг крепости. Старейшины думали, что смогут откупиться от крови серебром или мехом. Не смогут, я-то знал свеев! Говорил я старейшинам, несколько раз говорил, на крик кричал. Теперь нам всем, говорил, нужно настороже быть, во всех селениях дозоры выставить. Свеи своей крови никому не прощают, тем сильны. А те только зудели как мухи: откупимся, мол, откупимся, поторгнемся еще, глядишь, много и не возьмут. Не выдадут боги, заступятся. Третьего дня только упитанного борова на капище сволокли, волхв Олесь сказал, приняли боги борова. Что еще нужно? А если, мол, кто из молодых да сопливых возьмется учить убежденных седи-нами стариков, то пусть запасает впрок коровье масло – мазать насечки от березовых прутьев на заднице. А то, толковали, тебя еще за свея не выпороли, а ты, мол, уже на новый наказ нарываешься...

Поди поговори с ними...

Тело Бьерна свеи нашли на берегу и перенесли в крепость. Загудели, как свирепые лесные пчелы, когда в их дупло сунет лапу медведь, охочий до меда.

Потом затихли. Весь белый день мастерили для воина погребальную ладью. Пилили бревна на доски, выгибали их, сколачивали по-своему. Быстро работали. Хоть свеи и воины, но искусны во всяких ремеслах, это у них за особую честь почитается – знать ремесло.

Маленькая получилась ладья, меньше наших челнов. Но похожая на большие, с двумя носами и парусом-лоскутом на приставной мачте. В ладью наложили сухого хвороста и охапки дров.

Вечером, когда стало темнеть, все свеи вышли из крепости провожать родича в последний поход. С оружием вышли, с копьями, со щитами за спиной. Каждый из воинов нес в руке смоляной факел. Светло стало на берегу Иленя, почти как днем. Я все хорошо рассмотрел.

Мертвого Бьерна уложили на маленькую ладью. Сложили туда же его оружие, еды ему положили, пива жбан. Понятное дело, он отправится в свой Асгард по реке, но жажда – не костер, водой не потушишь.

Хорошо снарядили. Положили ему огниво, трут, топор, пилу, молоток с гвоздями, лопату. Кто знает, что понадобится в последней дороге?

Привели на берег одну из рабынь со связанными руками. Вдруг воин по дороге в Асгард захочет женщину?

Та шла покорно, тихо, как корова под нож, только всхлипывала негромко. Я вот всегда думал, почему коровы идут под нож тихо, а свиньи, например, визжат, упираются. Выходит, свиньи умнее? Чувствуют смерть? Понятно, это только люди не умирают, уходят духами к древним родичам. А свинья, например, куда уходит? Где ее свиньи духи живут? Некуда ей уходить, получается. Сожрут ее, и косточки сгниют в Сырой Матери. Обидно ей, конечно, умирать до конца...

Рабыню конунг Рагнар сам убил. Одним легким, почти незаметным движением топорища огромной секиры проломил ей висок. Та как стояла, так и упала былинкой скошенной. Великий воин – морской конунг свеев, руки у него как из железа...

Свеи подхватили тело рабыни, положили рядом с Бьерном. Подожгли погребальную ладью факелами. Хорошо занялось сухое дерево, жарко.

Зайдя в воду по грудь, свеи шестами вытолкали ладью на стремнину. Подхватила Илень-река погребальный костер своим течением, понесла вдаль.

Ушел воин Бьерн. Только огненный глаз его еще долго виднелся вдали, на реке. Потом пропал на излучине. Уплыл, словно закрылся веком.

Скальд-мальчишка Домар высоким девичьим голосом запел ему вслед прощальную песню. Рассказывал скальд, как повезло Бьерну, что умер воин в походе, не дома на теплом меху сгнил в старческой немощи. А значит, слава ему! Значит, Один уже ждет его в своей рати эйнхериев – воинов, павших в бою, что вечно сражаются между собой, умирают храбро и опять оживают перед вечерним пиром. Пока рог Хеймдалля не призовет храбрецов на последнюю битву со злобной ратью чудовищ и великанов, вырвавшихся из Утгарда, темного мира, лежащего за пределами всего. Пусть поторопится, мол, Бьерн, пусть долго не возится по дороге с рабыней, Один не любит ждать.

Пусть поторопится, согласился я про себя. Туда ему и дорога – к своим мертвым, которые даже после смерти не знают покоя от звона мечей.

Я все равно помнил про Сельгу...

* * *

Казалось бы, что мне с того?

Сельга...

Сельга, Сельга, Сельга!

Вот имя! Как песня, звучащая над рекой по весне!

Откуда только имя такое красивое?

Сельга! Может, она не женщина, может, сама Зарница, прекрасная богиня утренней зари? Сошла на землю, побудет среди людей, посмотрит, кто как живет, и обратно в Правь улетит?

Сельга...

Закрываю глаза и вижу ее перед собой. Вижу лицо, руки, синие пронзительные глаза, развевающиеся кудрями темные волосы. Долгим эхом отдается в ушах ее звонкий голос. Днем и ночью слышу его, когда ее рядом нет – тоже слышу.

Наваждение? Колдовство? Чародейство?

Корень рассказывал, когда меня не было, Сельгу, как звереныша, подобрала в лесу старая Мотря. Выходила и вырастила. А что в лесу делать доброму человеку, спрашивал Корень. То-то, тут без вредной нечисти не обошлось, ихняя она, лесная. Все говорят. А люди зря не скажут! Значит, не к добру появилась она в наших селениях, втолковывал он мне. Не у оличей, не у витичей, у нас появилась. Нам, значит, на погибель. Вот и дружина свейская рядом встала. Из наших закровов едят, пьют в три горла, как Аспиды. Сбываются, значит, плохие предзнаменования. Скоро пропадать будем. Все к тому идет.

Врет он все, этот Корень! Всегда рад любого дерьмом измазать. Не может Сельга нечистой быть! Зарница она!

Тогда колдовство откуда? Почему слышу, вижу ее, даже когда рядом нет?

Задумаешься тут...

Я, Кутря, многое видел на своем веку. Такое видел, что нашим родичам и во сне не привидится. И женщин брал всяких-разных, когда набегал с вендами побратимами на богатые южные села. Красивые были бабы, раскрашенные, мягкие кожей, как грудные дети, холеные, выбритые везде, приготовленные для мужской ласки. Их нарочно мочили в душистых водах, натирали ароматными маслами так густо, чтоб сочилось оно из-под кожи вместо любовного пота.

Они быстро умирали, эти диковинные красотой женщины. Не крепкие были, тоже как дети. Потом, в долгих переходах, я часто вспоминал их всем своим мужским естеством. Сладкие были...

Но Сельга – другая! Слов мало у меня, чтобы поведать, какая она!
Колдовство?

Я помню, венд-побратим рассказывал мне, что бывает такое, случается, он сам видел однажды, когда мужчина начинает любить женщину сильнее всего на свете. Выше рода ставит ее, почитает больше богов. Про все забывает, себя теряет, на нее глядя. На других баб уже и смотреть не хочет, только она одна ему нужна.

Я, помню, смеялся над ним тогда. Как можно, чтобы только одна? А другие чем хуже? Тоже вкусные! Как можно мимо хлеба пройти и не укусить? Нехорошо, не по-людски это.

Нет, я не верил ему. Дороже всего! Надо же придумать... Женщина должна быть крепкой, чтобы рожать здоровых детей, продолжать род, должна быть сильной – вести хозяйство, должна быть умелой, чтоб у мужа не скучало семя. А так – все одинаковые. Какая между ними разница?

Потом я вернулся на нашу землю, к родичам, и увидел Сельгу. Показалось, сам Перун пустил сверху свою молнию. День превратился в ночь, так потемнело перед глазами. Обожгли меня синие ее глаза. Опалили.

Чудно, конечно. Вот уж воистину, только боги все видят сверху, а человеку никогда не ведомо, где подстерегают его пороги и перекаты на реке жизни. Зря зубоскалил. Теперь, зная, сама весенняя красавица Лада, богиня, соединяющая мужчин и женщин, надо мной посмеялась. Отомстила за то, что насмешки строил.

По чести скажу, из-за Сельги я и не ушел из рода. Хотя сонное, неспешное житье родичей быстро мне опостылело. За годы странствий отвык я коротать время на толковище, без конца обсуждая, как Корень, испугавшись тени в лесу, зацепился за сук подолом рубахи. А с перепугу решил, что его схватил Леший. Визжал, как недорезанный свин, на все село слышно было...

Или, еще смешнее, как проказливый Водяной Старик прошлым летом сволок в реку и пустил по течению Топорихино корыто с замоченной на берегу одежей. Все родичи животы надорвали, глядя, как непутевая баба, кокоча и всплескивая руками, как кура крыльями, козлиным скоком догоняла свои холстины...

Да, я вернулся, отдохнул в родной стороне, чуры на капище отблагодарил за избавление теленком и серебряными деньгами. Потом почувствовал, скучно мне. Тянет из дому, и все тут. Словно сама Арысь, заколдованная дева, вынужденная скитаться с волками, неслышно зовет с собой за тридевять городов и земель.

От нечего делать – думал, вспоминал прожитое. И надумал я по примеру вендов собрать ватагу из парней, что покрепче да помоложе, и уйти в набег, испытать счастье на чужой стороне. Или на худой конец, если старейшины мужей не отпустят, самому попроситься к князю в отроки. Пусть возьмет меня в свою дружину – погулять по белу свету с мечом в руке.

Как часто, сидя на берегу у реки и глядя вслед ее убегающему течению, я представлял, как помчатся наши легкие челны по серебряной глади, как кончится постепенно привычный лес, затеняющий берега, как начнет становиться все теплее и теплее, жаркий ветер подует в лицо из Дикого поля. Вспоминал горьковатый, полынный привкус на пересохших губах, горячие ночные набеги, оставляющие вереницу пожарищ, каменные южные городища, где богатство ждет того, кто его возьмет. А больше того вспоминал, как сладко это, как яростно и хорошо – когда меч в руке, когда щит у плеча, когда побратимы стеной ломятся на врага и весь мир ложится у твоих ног. Родичам, которым бы только по глупому делу задираться с другими родами, трудно объяснить упоение большой победы. Я и не объяснял ничего...

Чудно все-таки. Скучал на чужбине, хотел домой, рвался домой, а вернулся – вроде и не нужен здесь... Чужак наполовину. Теперь скучаю по тому, что было вдали...

Нет, не сумел уйти. Не родовая перевязь, не старейшины, синие глаза Сельги спутали меня покрепче железных вериг.

* * *

Наваждение?

Чудно. Ничего вроде такого особенного, девка как девка. Две руки, две ноги, голова сверху. И одевается просто. На шее носит обычные деревянные бусы да оберег расшитый на голове – вот и все украшения.

Всего несколько раз и говорил с ней. Сидел, помню, как-то на берегу, смотрел, как катит Илень свои воды, представлял, как течет он все ниже и ниже. Вот уже и потеплело вокруг, лес по берегам поредел, степь пошла, буйная, пахучая до дурмана. Потом высохла степь по берегам, изжарилась солнцем, окаменела песком и пылью. Море близко. Привкус соли в дыхании ветров и пронзительные, как тоска, крики чаек.

Далеко течет Илень-река, ни глазом не глянуть, ни птицей не долететь...

Задумался, не заметил, как она подошла, рядом села. Когда увидел ее, словно берег подной закачался. Сама подошла!

– Смотришь? – спросила она своим глубоким, грудным, чуть глуховатым голосом.

– Да.

– Река далеко течет.

– Да, – согласился я.

– Много воды катит Илень.

– Да.

– Долго можно смотреть...

Она усмехнулась? Или это мне показалось?

– Да, долго, – снова согласился я.

Сам понимал, не разговор это. Сидел только, краснел, как рак в горячем котле.

Пошутить бы, сказать веселое или какую сплетню сплести, чтоб засмеялась, заслушалась, как получалось у меня с другими. А то заладил – да, да. Как Мяча-дурачок, который малым еще упал с дерева и стех пор ходит кривым на один бок, как Леший, и гукает по-совиному. Вот сейчас она посидит и скажет: скучно, мол, с тобой. Не о чем нам говорить больше...

– А в прошлом году Корень в лесу за сук зацепился. Помнишь, нет? – придумал наконец я.

Мне показалась, что она поморщилась. Почему-то я не мог взглянуть ей прямо в глаза. Отводило взгляд. Может, правда – нечистая сила?

– Трудно не запомнить, – сказала она. – Не хочешь – напомнят.

– А орал как!

– Да, орал... Наслушалась я про то. Наши родичи – они как дети, – сказала она. – Им бы только друг другу кости перемывать.

– А я? Тоже как дите? – решил спросить.

Она долго не отвечала. Я, хоть и не поворачивался к ней лицом, боком сидел, одеревенел, как пенек с глазами. Но замечал – смотрит, оценивает.

– Про тебя разное толкуют, – задумчиво сказала она. – А ты по правде всякие земли видел?

– Видел, да.

Вот и весь ответ. А ведь тут бы и рассказать, тут бы соловьем защелкать про чужеземные чудеса. С другими девками получалось, им, знал давно, лишь бы слушать чудное. А с ней не сумел. Язык прилип к зубам, как смола. Предал меня язык!

– Ладно, пойду я, – сказала она. – После расскажешь...

Поднялась гибко, неслышно.

Улыбнулась? Или мне опять показалось?

Потом я ругал себя. Вспоминал без конца, что она сказала, что я сказал, что она ответила. Долго перебирал наш разговор, как скряга в закромах перебирает свои запасы. Что тут перебирать-то – «да» и «да». А ведь мог...

Сельга...

Я никогда не был робким, умел ответить и словом, и делом. А тут – словно свирепый огонь выжигал меня изнутри. Огонь, по-иному не скажешь. Внутри бушевал огонь, а снаружи – пепел остывший. Бессчетное число раз я говорил себе – вот подойду объясню толком, что не могу без нее, позову с собой. И не мог. Не шли ноги, не ворочался язык-предатель.

Чародейство?

Второй раз мы говорили наедине, когда встретились случайно в лесу. Это было вскоре после того, как swei обустроили свой стан на нашем берегу. Я, помню, возвращался с охоты, нес через плечо двух подстреленных зайцев. Торопился к дому. Вкусный запах свежей заячьей крови будоражил живот. С зари блудил по лесу, кишка кишке уже кукиши показывали, ворчали на хозяина дружно.

А увидел ее – про все забыл.

Она возвращалась из леса с травами. Через плечо несла небольшой лук, подходящий для женской руки, у пояса – расшитый по коже колчан со стрелами и маленький нож в таких же вышитых ножнах. Совсем охотница. Истинная Дива-богиня, что бродит меж лесов с луком и стрелами. Нет, Зарница...

Хорс, играя лучами среди золотисто-бурых стволов высоких вековых сосен, освещал ее темные волосы и баловался между грудей. Казалось мне, даже солнце радуется ее красоте.

Я загляделся на нее. Долго удалось смотреть. Пока она сама меня не заметила.

Сельга опять подошла ко мне первая. Сдержанно поприветствовала. Мы вместе пошли в селение. И опять проклятый язык еле шевелился во рту, как ворочается полудохлый сом, прочно застрявший на мелководье между камнями. Вырвать его!

Она тоже шла рядом молча, ступая неслышно, совсем по-лесному, как легкая молодая олениха. Молчала.

– Swei, похоже, надолго встали, – сказал я, чтоб нарушить молчание.

Она не ответила.

– Мужики жалуются, пришлые воины много едят и пьют, – продолжил я, теряя голос. Конечно, нашел о чем говорить с девой... Тут вдруг кишки, которым напомнили про еду и питье, тоже вступили в наш разговор. Издали громкое, отчетливое бурчание. Спели, называется, во весь нутряной голос!

Я почувствовал, что готов молить Сырую Мать расступиться под моими ногами.

Улыбнулась?

– Скота пожрали – самой Коровьей смерти не успеть за ними. Скорей бы уж уходили, – в отчаянии сказал я.

Почему она не отвечает? Скука со мной?

– Надолго, – вдруг сказала она, – может, теперь навсегда пришли swei.

– Как так? – удивился я.

Она опять не ответила.

– Нет, не может такого быть, чтоб надолго, – рассудил я. – Пересидят службу и уйдут восвояси. Другая дружина придет, swei уйдут с ней биться. Или что иное случится, всегда что-нибудь случается. Сила дружины – в стремительном беге через богатые земли. Чего им сидеть у нас? Уйдут...

– Уйдут одни, воротятся другие.

Она говорила тихо, серьезно, медленно. Я понял наконец, не от скуки она молчала, тут иное. Думала она, много думала, а может, провидела что из грядущего. Не зря же люди говорят – ведунья она...

– Их много, свеев. Будут все приходить и приходить... Я знаю это, боги иной раз позволяют мне заглянуть в будущее, – сказала Сельга, словно подтверждая мои невысказанные мысли.

Я даже вздрогнул от такой догадливости.

– Молодой народ, сильный, – согласился я, помолчав.

– Молодой? Нет. Не они... Молодые – это наши родичи. Даже моложе, чем молодые. Что старые, что малые – все как дети. Свечи сильные – да, храбрые своим железом, свирепые от собственной силы. Но они несгибаемые. И жадные. А жадность да косность – это удел стариков.

Этого я не понял. Просто смотрел на нее, коль выпала такая удача. Любовался открыто.

– И что ты видишь из будущего? – почтительно спросил я.

Я верил ей. Ей невозможно было не верить. Истинно, в Яви боги устроили много чудного. Кому-то дано и вперед смотреть, проникать мыслями сквозь грядущие лета и зимы. Может, все-таки Зарница она, богиня? Выходит, пропадать моей голове! Богиню полюбишь, в небесном огне сгоришь...

– Вижу я, чувствую, старики сядут на нашу землю. Злые, жестокие, презирающие справедливые законы Прави. Пусть молодые с лица, а внутри – старики. И будут править нашими родичами и измываться над ними всяко. Потому как у стариков нет большей отрады, чем править другими, гнуть их по своему хотению. А когда старики правят детьми – они никогда не поймут друг друга! Большая будет вражда между правителями и народами, многие беды. Долгие беды сулит грядущее нашим родам, я вижу. Далеко в будущее потянется вереница бед...

– Нашему роду, – поправил я ее.

– Нашим родам, – неожиданно горячо возразила она. – Поличчи, оличчи, витичи и даже косины – одна кровь, одни люди.

– Ты только на толковище не обмолвись про это, заклюют тебя, как ястребы цаплю, – пошутил я.

Наконец-то удалось мне, вставил веселое слово. Но она даже не улыбнулась.

– Уходить нам надо, – сказала она.

– Нам с тобой? – обрадовался я, не веря своему счастью.

И тут же покраснел, как ошпаренный. Но Сельга словно не заметила моей предательской оговорки.

– Нам всем, – сказала как отрезала, – всему роду, и всем остальным родам тоже. На северный ветер нужно уходить, в лесную пустыню, куда не дотянутся жадные руки пришельцев.

Уходить родом... Легко сказать. Мне что? Я один, мне собраться – только подпоясаться. А остальные? Старики, бабы, детишки, скот?

– Как уходить? – возразил я. – Кто решится? Бросить дома, бросить земли расчищенные, звериные уголья, рыбные? Как можно все оставить?

Она опять не ответила. Замолчала, словно тучей завесилась.

Потом мы пришли в селение. Я попрощался с ней, хотя мне меньше всего этого хотелось. Мне показалось, она посмотрела на меня с сожалением. Наверное, показалось...

Этот наш разговор я тоже вспоминал постоянно. Думал над ее словами. По правде сказать, я не все ее слова понимал. Но ведунья она – это истинно. У них, провидцев, никогда не разобрать всего. Вот хоть Олесь-волхв, бормочет себе под нос, бормочет, а о чем? Одни боги ведают. Да и то, я полагаю, надоело богам уже прислушиваться к его вечному ворчанию.

Но главное я понял. Быть беде, вещала она. И случилась беда. С ней случилась.

Я помню, чуть ума не лишился, когда нашел ее едва живую на берегу. Обмывал водой глубокие царапины от чужой кольчуги на гладкой коже, слушал ее тяжелое, лихорадочное дыхание. Почти бегом нес ее в селение, прижимая к груди, бормоча что-то злобное, неразборчивое, сам не помнил, что бормотал.

Или я крови не видел?

Наваждение, да...

4

Я, Рагнар Большая Секира, морской конунг, бороздящий от края до края водные дороги Мидгарда, срединного мира людей, ярл и владетель Ранг-фиорда, сын Рорика Гордого, ярла и владетеля Рангфиорда, и прекрасной Ерды, поведаю о великих подвигах, которые совершил я с моими воинами.

Покинув берег, оставив дома и женщин, мы вышли в море за добычей и славой, как истари повелось у воинов. И ласковый Судри, теплый ветер, расправил наши паруса и начал сильно толкать их в спину.

Отплыв от родных берегов, мы поставили на место носы и хвосты деревянных драконов с оскаленными клыками и грозно выпученными глазами. Издавна повелось, у родных берегов воины снимают со своих деревянных братьев эти украшения, дабы не вызвать гнева богов их свирепым видом. Зато в походах ставят обратно, пусть они устрашают врагов еще издали и отпугивают чужих богов и духов.

Бег наших морских коней, летящих по гребням волн, мы сначала направили в землю эстов. И многих убили, и много добычи взяли. После того пошли в землю куршей. Они злобные, кусают железо, когда их рубишь. Но мы сильные, их зубам не прогрызть наши кольчуги. Многих из них мы отправили к предкам железом и огнем. Взяли еще больше добычи и крепких рабов.

Потом бог Ньерд, покровитель мореходов, отвернулся от нас. Великан Эгир, хозяин подводного мира, сварил в своем котле суровую бурю, наслал бешеный ветер Нодри. Потопил двух морских коней вместе с храбрыми воинами и дорогой добычей. Остальных разметал и унес в открытое море, затянул небесную твердь сплошными тучами, чтобы сбить нас со следа, не дать найти дорогу по звездам.

Долго скитались мы между волн, большую нужду терпели. Пришлось нам съесть половину рабов, взятых из куршей и эстов, запивая их вместо доброго пива горькой морской водой, которую нужно удерживать в животе силой. Другую половину рабов мы отдали Эгиру, выкинув за борт. И половину добычи тоже отдали.

Наконец боги смиловались, указали дорогу к берегу. Соединившись в условленном месте с остальными, мы напали на вендов, но отважный Тюр, однорукий бог воинского искусства, не подарил нам победу. Венды были готовы и встретили нас железом. Мы бились долго, многие храбрые воины ушли к Одину, но добычи не взяли. Их собралось слишком много; когда одни умирали, на их место вставали другие. Отступив от вендов, мы ушли от моря по речной дороге. Бились с людьми, названия которым я не знаю. Многих убили. Но они были бедные, мало добычи досталось нам за нашу храбрость.

Отстав от них, мы пришли в восточные, лесные земли, которые издавна называются Гардарикой.

* * *

– Плыдем и плывем, конунг, а конца не видно этому лесу, – сказал мне Дюги Свирепый, один из самых яростных и знаменитых воинов в дружине.

– Всему бывает конец, – ответил я. – Даже бескрайнее море кончается берегом. Будет конец и этому лесу.

– Оно так, – глубокомысленно подтвердил Свирепый. Еще подумал, почесал жесткую, как кабанья щетина, гнедую бороду, размял огромной ладонью лицо, дубленное крепким пивом и промозглыми морскими ветрами до красноты вареной свеклы.

– А я вот думаю, зачем боги создали столько леса? – признался Дюги.

– И что же ты надумал? – заинтересовался я.

– Клянусь башмаком силы Видара Молчалиника, сына Одина, ничего не надумал, – признался Дюги. – Наверно, боги ошиблись или недосмотрели. – Он презрительно сплюнул за борт драккара, намеренно оскорбляя чужую реку, и басовито расхохотался, показывая осколки зубов, прореженных с левой стороны франкской палицей.

– Наверно, боги забыли тебя спросить, – сказал я ему.

– Конечно, забыли. А как иначе? Один, Все-отец, сидя на престоле на утесе Хлидскьяльв, откуда видны все пределы мира, все время посматривает вниз: где там Дюги Свирепый? Чтоб был под рукой, когда понадобится совет, – вставил Ингвар Одно Ухо.

– Ты так думаешь? – серьезно спросил Дюги и озадаченно замолчал. Сдвинул налобье шлема, задумчиво почесал лоб, украшенный двумя почетными шрамами. Наверное, соображал, что бы ему посоветовать Мудрейшему в первую очередь.

Дюги – великий воин. Жалко, глуп, как кряква. Будь у него столько же ума, сколько силы в руках и спине, стать бы ему великим конунгом. Боги подарили ему высокое, как башня, могучее тело, но отвлеклись, забыли положить в голову хоть немного ума...

– Я уверен, – не менее серьезно подтвердил Одно Ухо, сохраняя лицо каменным, как скала.

Воины, слушавшие наш разговор, кашляли и отворачивались, пряча усмешки в вислых усах и бородах, отросших за время похода. Дюги не зря заработал свое почетное прозвище Свирепый, он мог разъяриться в любой момент, как медведь, которого кольнули копьем. Даже женщин он сначала убивал, чтобы распалиться, попробовать на вкус еще теплую кровь, а уж потом только брал, пока не остыли. Поэтому, знали все, семя свое он проливал только в набегах.

Впрочем, Ингвар – тоже знаменитый воин. Высокий, сухой и широкий костью, он славился тем, что не знал усталости в битвах. Пусть он не перетянул бы Дюги на канате, но в поединке на мечях или топорах вполне мог с ним поспорить. Только он и еще несколько хольдов, старших воинов дружины, позволяли себе подшучивать над Свирепым, не боясь получить вызов на бой на равном оружии...

Дул попутный ветер, и идти по течению чужой реки было легко. Мы поставили мачты в гнезда, натянули во всю ширь паруса, и деревянные кони сами скользили по гладкому, как полированное серебро, зеркалу пресной воды. Здешние реки не имеют такой силы, как наше море, чтоб подбрасывать драккар упругой волной. Воины сложили весла вдоль бортов и отдыхали без гребли на румах – скамьях для гребцов вдоль бортов, – переговариваясь и поглядывая на чужую землю. Иные спали, растянувшись на днище, использовали пустое время для отдыха. Если дети Одина могут спокойно спать в море, когда морской дракон пляшет на волнах, как брыкливый жеребчик, ужаленный оводом, то почему им не спать на спокойной воде?

Стоя у кормового весла, которое держал Бьерн Пегий, я сам смотрел, как проплывают мимо бесконечные берега реки.

Я не знаю, кто первый назвал эти края Гардарикой – страной городов. Даже старый Бьерн, исходивший вдоль и поперек водные пути Мидгарда, про это не знал. Давно назвали, а почему – непонятно. Конечно, среди многих лесных племен, обитающих здесь, было принято огораживать каждую деревеньку бревенчатым частоколом, в опасение зверей и набегов соседей. Племена, роды, как они их называли, – тут постоянно враждовали друг с другом и разоряли чужие угодья. Если плыть только по рекам, не выходя на берег, то любая захудалая деревня, спрятанная за массивным забором со сторожевой вышкой, с воды покажется гардом. Может, отсюда и появилось название. Наверно, тот, кто первый доплыл до этих краев, был не слишком смелым, чтобы выходить на берег и смотреть вблизи, думал я.

У нас, в земле фиордов, городов мало. Дети Одина, привыкшие к морским просторам, не любят вони и тесноты крепостей, не боятся чужих набегов настолько, чтобы прятаться от них

за стенами. Здесь города встречались чаще, но все-таки реже, чем на юге или на западе. Там города большие, высокие, их строят больше из камня, чем из дерева, и людей в них поселяется больше. Хотя здешние города по-своему богатые и обильные на добычу. Ценные меха, дорогая резная кость, хорошее железо, звонкое серебро и золото, янтарный мед – все это в изобилии есть в лесной Гардарике, знал я. Морской народ найдет чем здесь поживиться. Впрочем, я думаю, забрось сынов Одина в голые каменные горы или песок пустыни, они и там отыщут себе добычу и начнут делить ее по обычаям викинга...

Лесные города Гардарики окружали высокие стены из неохватных бревен, с широкими площадками для лучников и пращников. Стены защищали земляные валы и рвы с проточной водой, а над стенами возвышались массивные сторожевые башни, откуда была видна вся округа. Такие деревянные города-крепости легко было защищать малым количеством воинов от большого числа нападающих. Их строили здешние ярлы – князья на их языке. Они собирали вокруг себя дружины, куда приглашали воинов не только из своих родов, а всех, кому яростная ратная работа милее паленых пашен и вонючих хлебов. Набрав дружины, князья отправлялись покорять окрестные племена и заставляли платить себе дань и выкупы. На этом одни богатели, а другие теряли головы с плеч.

Потом князьям приходилось защищать свои земли и данников от чужаков. Но чаще от набегов соседей.

Впрочем, я знаю, лесные гарды богатели не только данью и войнами. Князья, стоя вдоль рек, брали с гостей проходную плату и торговали часто и обильно. Многие селили у себя искусных в умении ремесленников, но не рабов, каких привозили из викингов наши воины, а вольных людей. Когда один князь брал гард другого, он переселял мастеров к себе, но все равно не превращал их в рабов. Они оставались вольными и работали так, что изделия искусников из Гардарики с удовольствием покупали на далеких базарах. Наверно, в этом был смысл: давно замечено, что кольчуга, сплетенная вольными кузнецами, лучше держит нападение железа, клинок больше гнется и меньше ломается. Так что здешние князья были не такими глупыми, как казались с виду, постоянно выхватывая друг у друга одни и те же куски и не видя перед собой просторный Мидгард, где можно взять сразу все мечом и щитом.

Да, люди из здешних племен были хорошими бойцами, мужчины – крепкими и плечистыми, а женщины – грудастыми и приятными с виду, тут надо отдать им должное. Но они позволяли князьям собирать с них дань в обмен на защиту и покровительство. Выходит, духом они были не так сильны, как казалось. Настоящие воины, с мечом в руке поклоняющиеся яростной сече, предпочли бы лучше отдать жизнь в бою, чем одну серебряную монету в кошель врага. Именно это отличает воинов от пахарей – готовность умереть не только ради победы, но и за достойное, красивое поражение, учил меня давным-давно старый Бьерн. Узнав жизнь, я согласился с ним.

* * *

Потом мы подошли к гарду Юричу. Лесной князь Добруж встретил нас со своей ратью. Будем биться, конунг, сказал он. Или, хочешь, иди ко мне на службу со своей дружиной.

Биться я не хотел. Не сейчас. Воины мои устали, многие страдали от ран, драконы морей были поломаны и побиты ветрами и волнами. Будем служить, а ты, князь, заплатишь нам много, сказал я ему, посоветовавшись с ярлами и хольдами. Соглашайся, конунг, отдохнем и дальше пойдем, в теплые богатые страны, посоветовали мне бывалые хольды. А не то – возьмем у лесного князя его добро! Много добра запас князь, собирая дань с окрестных племен, под-сказали мне старшие ратники. Большая слава будет тому, кто возьмет добычу из его закровов.

Мы долго рядились, наконец ударили по рукам с князем. Он обещал платить серебром. А я поклялся верно служить ему со своей дружиной. Но поклялся я легкой клятвой, на хлебе

и пиве. Железа не обнажил и крови своей не пролил, скрепляя ее. Легкую клятву и нарушить легко. Боги подскажут, когда это будет выгодно сделать...

Хитрый князь, а не заметил моей уловки. Велел нам поставить стан в земле поличей.

Отдохнем, перезимуем, решили все ратники. А потом отправимся дальше, где города богатые, а люди слабые, не умеющие держать меч в руке.

Все знают, там привыкли прятаться за спины наемных воинов. И там поклоняются странному богу Исуу, которого сами же и казнили. Теперь кланяются ему. Может, надеются, что он не станет карать их за измену? Я думаю, зря надеются. Не помилует. Боги злопамятны. Их руки достают дальше, чем у людей, а память их много длиннее человеческих жизней. А еще я думаю, что ослабили они, потому что бог Исуу их не защищает. Если сам бог позволяет себя казнить, как он может научить свой народ держать меч? Слабый, трусливый бог, слабые, трусливые люди. С таким богом они готовы подчиняться каждому, готовы легко отдать свою жизнь и добро всем, у кого есть сила их взять...

Дикие лесные поличи, даже не дающие друг другу прозвищ, чтоб различать людей не только по именам, сначала тоже боялись нас. А потом зарезали Бьерна Пегого. Ингвар Одно Ухо и Висбур Жердь нашли на берегу его тело. Принесли мне черную весть.

Всеразрушающая ярость берсерка пришла ко мне сама собой. Но я справился с ней, спрятал ее от других, как и положено конунгу. Затаил для грядущих свершений. Морской конунг – не простой воин и даже не просто ярл, ведущий своего деревянного коня и людей на его спине. Морской конунг ведет всю дружину. Ясная голова должна быть у конунга. Так учил меня когда-то сам Бьерн.

* * *

Бьерн Пегий, чья борода поседела в походах, служил еще моему отцу, Рорику Гордому, конунгу, ярлу и великому воину. Когда отец кончил свои дни в Мидгарде, насаженный подлыми куршами на деревянный кол, как свинья на вертел, Пегий стал служить мне. И хотя я – конунг, прославленный скальдами, чье имя наводит ужас на врагов во всех землях, я днем и ночью был готов выслушать его советы. Именно он всегда стоял у рулевого весла моего быстрого, как стрела, драккара «Птица моря». Он умел находить водную дорогу по звездам, знал очертания берегов и приметы перемены ветров, мог раскинуть руны, заглядывая в грядущее. Он много знал и умел. Хугин, ворон мудрости Одина, коснулся его своим крылом.

Бьерн, старый воин, всегда был мне как старший брат, сколько я себя помню. Когда я малым ребенком ковылял на нетвердых ногах по земляному полу отцовского дома, он первый вложил мне в руку деревянный меч. Научил, как держать его, как правильно ставить ноги, как принимать на меч удары противников и уклоняться от них. Потом он вложил мне второй меч в другую руку, объяснил, что воин с двумя мечами вдвое опаснее для врага. Я, помню, совсем еще несмышлениш, набрасывался на него с двумя мечами, как взрослый боец. Никак не мог уразуметь, почему я, даже с двумя мечами, не могу одолеть его голые руки. Все время оказываюсь опрокинутым на пол.

Конечно, потом в доме появился другой учитель, из тех, у кого язык в два раза длиннее, чем руки. Фроди Длинный Язык, так и звали его. Отец пригласил его из северных фиордов, как учителя, знаменитого своими познаниями во всем. Фроди наставлял меня в рунах, в знании просторов Мидгарда и древних легенд, рассказывающих о жизни богов и походах героев. Среди богатых свеонских ярлов не принято было жалеть звонкого серебра и жирного мяса с ядреным пивом, чтобы научить детей всему, что нужно знать будущим владельцам мира. Не только тело закаляется изнурительными ратными упражнениями, ум тоже должен познать работу...

Но Бьерн все равно оставался дядькой. Он учил меня главному, учил жизни. Пусть он не все знал о хитрых науках, зато о жизни – больше, чем кто-нибудь.

Именно Пегий, когда я еще подросток, начал всерьез натаскивать меня в благородном воинском искусстве. Я до сих пор вспоминаю порой, как первый раз встал у стены сарая, а он начал бросать в меня камни, от которых я должен был уворачиваться. Больно жалили эти камни, запущенные его крепкой рукой, пока я не научился видеть их на лету и уклоняться. Я помню, как проклинал его хриплые понукания, взбегая на горы с гранитным валуном в руках. Или как ползал по скалам с тяжелым мешком за плечами, когда, казалось, грудь разорвется от напряжения, а собственное дыхание слышится в ушах раскатами колесницы Тора, старшего сына Одина, зачатого Все-отцом со своей дочерью Ерд-землей. В огненную колесницу Тора всегда впряжены два козла – Скрипящий Зубами и Скрежешущий Зубами, и, когда колесница летит по небу, от их зубов рождается гром...

Да, Бьерн учил меня всему, что положено воину. Я днями стоял в неподвижности, держа перед собой на вытянутой, каменеющей руке сползающую, как змея, палку: готовил руку для тяжести боевого лука. Сражался с одним соперником и сразу со многими на деревянном оружии. Сражался голыми руками против оружия. Боролся, стоя по грудь в морской воде, что придает движениям воина особую легкость и быстроту. Вращал пращу, метал копья и легкие дротики в провинившихся рабов, привязанных в наказание к деревянным мишеням. А Пегий, стоя рядом, объяснял мне, куда надо попасть, чтобы легко ранить, или покалечить, или убить совсем. Наставлял меня, как собственного любимого сына. Давным-давно трое его сыновей ушли в викинг на землю франков и не вернулись оттуда. С тех пор он часто говорил о том, как встретится с сыновьями за столом Одина...

Когда я окреп и начал в борьбе валить всех соперников и побеждать их затупленным мечом, именно Бьерн поведал мне о тайном искусстве «медвежьих шкур», как по-другому называли неуязвимых берсерков, что владели искусством вызывать в себе всепоглощающую боевую ярость.

Когда-то в давние времена боги уговорили страшного волка Фенрира, сына коварного Локи и великанши Ангрбоды, посаженного на цепь самим Одином, испытать прочность волшебных пут Глейпнир. Поклялись после испытания отпустить волка на волю. Согласился Фенрир, однако, хитрый, потребовал, чтобы в качестве залога кто-нибудь из богов вложил ему в пасть свою руку. Только бесстрашный Тюр согласился, хотя и догадывался, что клятва чудищу будет нарушена, окажись пути достаточной крепости. Так и вышло. Боги не отпустили волка. А Тюр, лишившись правой руки, стал левшой, но зато научился владеть ею так, что превзошел всех богов в воинских упражнениях.

Это все знают, конечно. Наши дети с малолетства учатся жизни, слушая рассказы о доблести. Но мало кто знает – чтобы выдержать страшные зубы волка и не показать своей слабости перед другими богами, придумал Тюр особую подготовку для воинов, делающую их по собственному хотению бесчувственными к телесной боли и утраивающую силу. Именно он стал первым берсерком.

Потом щедрый Тюр подарил свое знание избранным воинам, строго-настрого приказав хранить его в тайне от остальных. Секреты берсерков до сих пор не пишутся на дощах и не высекаются на камнях, объяснил Пегий. Передаются только из уст в уста самым храбрым и сильным. Так повелел Тюр, покровитель воинского умения. Ибо все, что начертано, могут прочесть и наши враги.

Уводя меня в горы, подальше от лишних глаз, Бьерн учил меня, как дышать с промежутками, раскачиваясь телом в лад с неслышными барабанами, как копить в животе туман белой ярости, как закутываться им, словно плащом. И я, забыв себя, становился истинным берсерком, голыми руками обрубал сучья с деревьев и ловил летящие в меня стрелы. Бьерн показывал мне, как правильно остывать, рассеивать белую ярость, возвращаясь назад. Приводил в пример

многих отважных воинов, что ушли в ярость и не вернулись, растеряв в белом тумане остатки разума. Разбойничали потом в одиночку на проезжих дорогах, как бешеные волки, изгнанные из стаи, а соплеменники боялись их и устраивали на них многолюдные облавы. Выходит, тяжел для человека подарок бога – медвежья шкура, ох как тяжел! Не каждый воин в состоянии справиться с такой ношей...

Помню, когда я с отцовскими воинами и двумя морскими конями ушел в свой первый викинг тощим подростком, Бьерн тоже был рядом. Прикрывал меня своим широким щитом, держался плечом к плечу в сече, давал мудрый совет, когда нужно было принимать решения конунга.

Да, много водных дорог прошли мы со старым Бьерном, много славных подвигов совершили, без счета взяли богатой добычи. А теперь его зарезали, как телка перед холодами, долговолосые лесные люди. Горе им!

Мы дружно проводили побратима Бьерна в Валгаллу, пиршественный зал во дворце самого Одина, Бога Богов, в котором пять сотен и еще сорок дверей, а каждая из дверей такая огромная, что в нее в ряд могут войти восемь сотен воинов.

Это еще не была тризна по Пегому. Мы пили пиво и сурицу, провожая его. Но это тоже еще не тризна.

Что пиво – вода для вечернего успокоения, помогающая пропихнуть в брюхо жирную пищу. Героев в Асгард провожают кровью! Все мои воины кидали в стену полные чаши, стучали мечами по щитам и рвались проводить Бьерна, как следует. Я разрешил своим воинам напоить мечи кровью, чтобы дорога к Богу Рати была для Бьерна гладкой, как коровье масло...

* * *

Той же ночью я, Рагнар Большая Секира, взял с собой сотню воинов, и мы выступили в поход.

Эти дикие поличи жили селениями вдоль реки и глубже в лес. Я решил крепко наказать одно селение и выставить их головы на кольях вала, чтоб остальным впредь неповадно было. Пусть боятся нас, только страхом можно держать непокорных в повиновении, кто этого не знает?

Ближнего к крепости селения мы достигли перед рассветом. Стараясь не шуметь, приблизились к бревенчатому частоколу с подветренной стороны, чтоб не учуяли раньше времени лохматые, похожие на волков собаки. Кроме собак, больше стражи не было. Они спали в своих домах, они были беспечными, эти поличи.

Чтобы было виднее, я приказал поджечь крайние избы. Сухая солома на крышах вспыхнула быстро, глупые поличи не засыпали свои дома землей от огня. От соломы загорелось дерево, и стало совсем светло.

Больше не нужно было держать тишину. Мы напали, криками распалая себя на бой.

Они просыпались. Лаяли собаки, задыхаясь хрипом после ударов мечей и копий, блеял и мычал скот, голосили люди. Но все звуки перекрывали боевые кличи отважных воинов, призывающих богов полюбоваться славными их деяниями. От их голосов, привыкших перекрывать морские ветры, кровь врага всегда леденела в жилах.

Поличи спросонья выскакивали из домов, метались, как зайцы перед загоном охотников. Мы рубили их в честь друга Бьерна, много рубили. Мужчины пытались сопротивляться, хватали колья, доставали мечи и копья. Пытались сражаться. Они были не трусливые. Но нас было больше, и мы – сильнее. Мы резали всех подряд, и зрелых, и старых, и малых, как режут без разбора скот перед днями пиршеств. Тех, кому удалось выбежать за круг села, мои воины догоняли стрелами, соревнуясь друг с другом в меткости.

Я видел, один из поличей, лохматый и яростный, как медведь, хорошо сражался. Длинной жердиной сбил на землю сразу двух воинов. Но он не захотел умереть в бою, побежал в лес, перемахнув через ограду. Домар-скальд, мальчишка еще, радующийся, как игривый щенок, своему первому викингу, пустил стрелу. Та проткнула поличу плечо. Поторопился скальд. Я тоже снял с плеча лук, пустил стрелу, попал в спину. Полич упал от удара. Потом поднялся, поковылял дальше в лес. Пусть бежит, с такой раной долго не бегает, сказал я Домару. Тот засмеялся, блестя глазами и зубами, хмелея от битвы, как от вина. Я кивнул ему. Из таких щенков вырастают настоящие боевые собаки, он правильно начал жизнь!

Весело было! Заходя в избы и клетки, мы находили много пива и сладкой сурицы. Тут же пили, вышибая у бочек дно. Побратим Пегий наверняка радовался, оглядываясь на нас со своей дороги. Он любил хмельные пиры, мог лить в себя, как в сухой колодец.

Я не торопясь срубил в очередь двух поличей, что выскакивали против меня с кольями и мечами. Они были сонные, растерянные, и кидались с хриплыми криками, как собаки, без разума и обманных вывертов. Их было легко рубить, у них не было ни щитов, ни доспехов. Моя Фьери вдоволь напилась крови, поминая Бьерна.

Весело было! Малых детей мои воины подкидывали вверх и ловили на копья. Соревновались в ловкости. Тут надо уметь правильно поставить копье, иначе древко может треснуть под тяжестью визжащего тела. Также, показывая ловкость мечей, делали поличам красных орлов. Двумя ударами рассекали вдоль спину, чтобы легкие вывалились наружу, повиснув, как крылья. Лети, если хочешь!

Дюги Свирепый первый сделал орла трясущемуся от трусости поличу. Ловко получилось, ничего не могу сказать против. Тот побежал было, выпучив глаза и расправив красные крылья, пока не упал. Смешно смотреть! Харальд Монета тоже сделал орла, а Висбур Жердь дрогнул мечом. Получился у него из мужика не орел, а ворона с одним крылом. Все смеялись над Жердью. Висбур, осердясь, добил полича, отвалив ему голову одним ударом.

Конечно, женщин-поличанок мои воины сначала не убивали. Сдирали с них длинные рубахи и брали прямо на месте. Женщины, взятые боем, всех приятнее. Воины похвалялись друг перед другом своей мужской удалей, тех, кто понравились, дарили потом остальным. Дальше – тоже рубили. Я приказал никого не оставлять в живых. Будет старому Бьерну хорошая память.

Они громко кричали и пытались кусаться, эти женщины, совсем дикие были. Ингвар Одно Ухо, потрясая мечом, хвастался, что взял пятерых подряд. Дюги Свирепый тут же заявил, что взял семерых. Мертвые не считаются, выкрикнул ему в лицо Одно Ухо, разгоряченный набегом. Они чуть не сцепились, Дюги уже начал грызть зубами край щита, вызывая в себе безрассудную ярость берсерков. Но я прикрикнул на них, пообещал снести разом обе горячие головы и кинуть их студиться в реку.

Унялись. Оба – отважные воины, но слишком ревностные к чужой славе, как хозяйки бус к похвале другим девам.

Не теряя головы, как следует конунгу, я наблюдал, чтобы не было откуда-нибудь угрозы. Нет, все было спокойно вокруг села. Помощь к поличам не приходила. Я же говорю, беспечный народ.

Тогда я тоже захотел себе женщину. Покорные рабыни, подаренные князем Добружем, уже надоели, давно хотелось свежего мяса. Высадив дверь ближайшей избы, я вошел в теплый сумрак, царапая шлемом низкие потолочные бревна. Сразу увидел ее, прячущуюся за каменной печью. Краем глаза успел заметить движение с другого бока, вовремя упал на пол. Стрела пролетела поверх меня.

Пока долговязый малец, совсем еще недомерок, трясясь руками, прилаживал на лук другую стрелу, я, перекатившись на спину, метнул в него свое тяжелое копье. Пригвоздил к закоп-

ченной стене, как таракана спицей. Увидел, что глаза его стали пустыми, а изо рта вытекла на рубаху струйка крови.

Я вскочил, за волосы выволок бабу из-за камней печи. Молодая была баба, глупая, даже не голосила, только рот открывала и охала.

Лезвием секиры я распорол грубую холстину ее рубахи, бросил животом на лавку. Она шипела, как рассерженная змея, пыталась уползти от меня. Я вонзил в дерево перед ее лицом свою боевую секиру, намотал на руку длинные темные волосы. Второй рукой отпустил пояс, высвободил из-под кольчуги свою мужскую силу. Как крепкое копьё, вошел между ее мягких холмов, так что она закричала в полную силу голоса.

Пусть кричит! Пусть громче кричит! Чем громче стонет враг, тем слаще победа!

Я почувствовал, как ее тело обмякло под моим натиском и задвигалось мне навстречу. Она опять закричала. Уже по-другому, по-женски томно, запричитала и заохала. Хорошо так...

Краем глаза, по привычке все замечать, я увидел, как на ее крики в избу всунулись Домар-скальд и ярл Харальд Резвый. Домар, любопытный, как и все малые, остановился поглазеть на мое действие. Резвый, не обратив внимания, деловито зашарил по избе, собирая скarb. Истинно, бывалый воин и в самой черной избе найдет поживу...

А я все нанизывал и нанизывал поличанку на свое кожаное копьё, чувствуя себя все сильнее, как сами боги! Наконец вылил семя тугой струей, обильно, как рыба-кит в море выпускает из себя воду...

Выдернул Фьери из дерева, ударом пересек ее тонкую шею. Эта поличанка была сладкая, она заслужила легкую смерть.

Обмакнув палец в ее теплую, свежую кровь, я начертил себе на лбу руну победы.

Старый Бьерн Пегий, брат мой, видишь ли ты меня?! Радуйся, брат, мы проводили тебя по чести, тебе не стыдно будет предстать перед Одним!

5

Я, Корень, сын Огня, сына Крати, расскажу, как было. Как узнали мы про большую беду, что случилась с родичами. Что умерли они всем селением, и старые, и малые. Много домов было в том селении. Может, три десятка, а может, и четыре. Ни одного теперь не осталось. Все дома пожгли лютые свеи, всех людей перебили мечами и стрелами, бросили тела на поругание лесному зверю.

Весть эту принес нам Осеня. Он – мужик бывалый, сильный, легкий на ногу, как лесной лось, один сумел выскочить из кольца врагов. Унес с собой две стрелы свеев. Одна попала ему в плечо, прошла сквозь мясо. Эту он сумел сломать по дороге, вытащил из раны сам. Вторая засела у него в спине, зацепилась за кости. С ней и шел, проливая кровь на траву. Дошел все-таки, ввалился в крайнюю избу, рассказал про набег, выполнил свой долг перед родом. Потом помер, вздыхая от облегчения.

Весть о набеге сразу взбудоражила всех. Молодые, кто побыстрее на ногу, скоком побежали в другие селения, оповещать дальних родичей. Старый Ветрь от тихости ума снова понес было речь про виру, мол, свеи теперь много наших убили, много теперь заплатят, быть нам богатыми. Но его больше не слушали даже терпеливые старики. Заплатят они, жди, выкрикнул, помнится, Творя-кузнец. Потом догонят дедушку и еще раз заплатят промеж глаз! Такую заплату поставят, вовек не порвется, ввернул в разговор остроумец Велень. Родичи вокруг нехорошо, зло засмеялись. А старейшина Зеленья прямо сказал – кровь ответа требует. Много крови – много ответа. Нужно собирать мужиков на рать, иначе никак. С ним согласились, конечно.

Нет, медлить больше нельзя, это все понимали. Свей – как медведь-шатун, один раз попробует мясо человека или скотины, впредь не отстанет. Силач Злат тут же принялся распорядиться, словно его уже выбрали походным князем. Баб с детишками и скотом, сказал он, собрав на скорую руку, надобно погнать под охраной прочь от крепости, к дальним селениям. А лучше – еще дальше угнать, за дремучий Ерошин лес, за Дымные болота, где свищет и булькает нечисть. Там родовой схрон, куда чужаки не смогут найти дорогу. Наши земли обширные, есть где схоронить маломощных от ратной напасти.

Никто не спорил, конечно. Так всегда делали, когда мужики ходили на рать.

Старшим над охранным отрядом Злат самочинно поставил Кутрю. Я полагаю, неспроста выбрал. Не забыл силач, как тот уронил его на землю, словно куль с зерном. Не хотел допустить к будущей воинской славе и богатой добыче.

Все думали, Кутря ползет в свару. Кому охота охранять баб да коров, пока все родичи собрались брать крепость и делить добро свеев? У Кутри и оружие доброе, и кольчуга, и шлем, ему прямая дорога на сечу. А тот ничего, согласился, не стал спорить.

Может, он испугался свейского железа, подумал я. На слова-то он герой, понятно, много рассказывал о свои боях да походах. Так ведь, обратно сказать, слово без дела – дым без огня. Испугался? Кто его разберет, как на самом деле... Если задуматься, кто его бои и походы видел? Он теперь почти пришлый. А их поди разбери...

Когда отправили старых, да малых, да долговолосых, все мужики быстро начали вооружаться. Не хвалясь скажу, дело для нас привычное. Мы с оличами секлись и с витичами и с далеким народом косин воевали три дня и три ночи. Все доставали старые, еще отцовские-дедовские мечи, всегда хранившиеся бережно, как ценность, насаживали наконечники копий на свежие древка. У кого кольчуга была или шлем – доставали их, очищали от сала, предохраняющего доспехи от ржи. У кого были кожаные многослойные панцири с нашитыми ради бережения тела железными бляхами – готовили их. Точили ножи, ладили к топорам вместо коротких, рабочих, длинные боевые рукояти, меняли оконечники стрел с охотничьих,

костяных на ратные, из железа. Трое быстрых на руку, умелых мужиков набирали из сухих дубовых досок щиты для тех, у кого не нашлось, споро обтягивали их дублеными кожами. Творя-кузнец, колдуя у горна, укреплял их железными вставками.

Силач Злат ходил везде и распоряжался как старший. А кто, между прочим, выбирал его походным князем? Верно, никто не выбирал, толковища пока еще не было. И чего он вдруг распоряжаться начал, спрашивается? Хотел я ему сказать, но подумал и не стал связываться. Сильный он, как медведь, сомнет еще по горячке – с него станется.

Потом Злат распорядился выкатывать на общую пользу бочки с пивом, брагой и сурицей. Мужики ловко открывали бочки, черпали хмельное ковшами. Я тоже выпил, сколько полезло. Перевел дух. Выдержанная сурица сразу развеселила, заиграла радугой в брюхе и голове...

Конечно, обратно смотреть, Злат – бывалый, бойкий, подумал я, расцветая от выпитого. Кому стать походным князем, как не ему?

Он – сильный. Мы все сильные! Все наши родичи пили пиво вволю, пили сурицу, веселящую голову, пили брагу, доигрывающую в брюхе, и говорили о том, какие мы сильные. Вот оличи или, допустим, витичи, а хоть бы даже косины – те стерпели бы. К бабке Мотре не ходи ворожить, и так ясно – стерпели бы. Да им хоть на голову сри жидко, все одно не почешутся, только спросят, откуда дождь, ввернул в разговор Велень. И все вокруг него много смеялись. Долго еще потом крутили головами, вспоминали, опять пересмеивались. Надо же так завернуть слова!

Все-таки боги дали ему острый ум. Хотя, сказать по чести, мужик пустой, бесхозяйственный...

Мы – нет, не такие, как другие роды, говорили родичи. Мы – бойкие! Не запугаешь нас. Мы пойдем на крепость, добро пограбим, ладьи сожжем, а свеев, всех до единого, отправим к духам. Сколько можно кормить их, Аспидов? Мясо жрут, только кости трещат на всю округу, словно три века одной пареной репой питались! Накормим, однако, в последний раз железной кашей, горячились многие, потрясая оружием.

Много говорили. Много пили хмельного, как и положено на войне. Известное дело, на миру да во хмелю – и смерть красна девица. Потом спали, конечно, выставив в дозор тех мужиков, кто покрепче на голову. Проснувшись, снова правили головы пивом. Потом из других селений начали мужики подходить. Тоже все со щитами, с оружием, некоторые даже в шлемах и кольчугах. Все пили пиво и брагу и собирались резать свеев, грабить крепость.

Много нас собралось. А становилось все больше. Род – это силища!

Вечером, по обычаю, выбирали походного князя. Хотя что тут выбирать, ясно всем, некого выбирать, кроме Злата. Он хоть и делит добычу по-своему, не по-нашему, но на драку, все знают, уж больно лютый.

Злата в князи, конечно же, Злата, гудели все родичи окрепшими от хмельного голосами.

Старейшины поддержали выбор. Сам Зеленья сыну Злату как чужаку поклонился. Будь, мол, ты, Злат, походным князем, уважь общество. Так, старики? Так, родичи?

Истинно так, поддержали старейшины. Злат на оличей ходил и на витичей, знает военный порядок. Кому, как не ему, походным князем быть? Его люди слушаются. Да кто его не послушает? Он тому враз бока намнет, настоящий князь...

Злат поломался, как положено, недостоин, мол, ослобоните, подведу, боюсь. С третьего раза согласился на просьбу.

У него самого, я видел, глаза горели, зубы щелкали, так хотелось делить добро свеев. Жадный он все-таки...

* * *

Первую победу над свеями мы одержали легко. Выследили трех, что отправились на охоту. Словно и воевать не собирались. Беспечные они, свеи.

Пришлые шли без щитов и копий, но в кольчугах, в шлемах, с мечами и луками. Мальчишка Домар там был, Доги по прозвищу Комар и еще один свеи, длинный, худой, похожий на жердь, согнутую сверху от тяжести крыши.

Нас было четыре десятка, а может, все пять. Завидев такую ратную силу, свеи пустились бежать. Быстро бегали. Но дорогу на крепость мы им отсекли, начали обкладывать, как дичь на охоте, прижимать к реке.

Те сначала попытались пробиться мечами. Напали на нас. Они умело рубились, эти чужеземные воины. Показывали разные приемы невиданной ловкости и хитрости. Стали друг к другу спинами, так что и не подойти к ним, везде мелькают клинки. Двух наших посекали насмерть и еще троих ранили. Я сам чуть не получил мечом промеж глаз от мальчишки Домара. Хорошо успел вовремя увернуться, упал, откатился в сторону. Надо же, щуплый с виду, а клинком машет, словно косою косит, помню, подумал я, выползая из лопухов. Умелый!

Почувствовав такой неожиданный отпор, наши откатились было, но потом снова насели. Творя-кузнец посадил на острие жердяистого свея, с разбега пробив ему кольчугу тяжелым копьем. Домар и Доги отмахались мечами, отбежали к берегу, укрылись за старыми ивами, начали пускать по нас стрелы. Двоих задели. Наши тоже стреляли в ответ. Нас было много, и у нас было много стрел. Опея, ловкий охотник, прицелился хорошенько, выждал момент, пустил стрелу прямо в глаз Доги Комару. Попал. Длинная стрела прошла через глаз, пробила голову и приколола Доги к корявому стволу дерева. Он дернулся несколько раз и затих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.